
легенды
КРЫМА
Н. МАРКСЪ

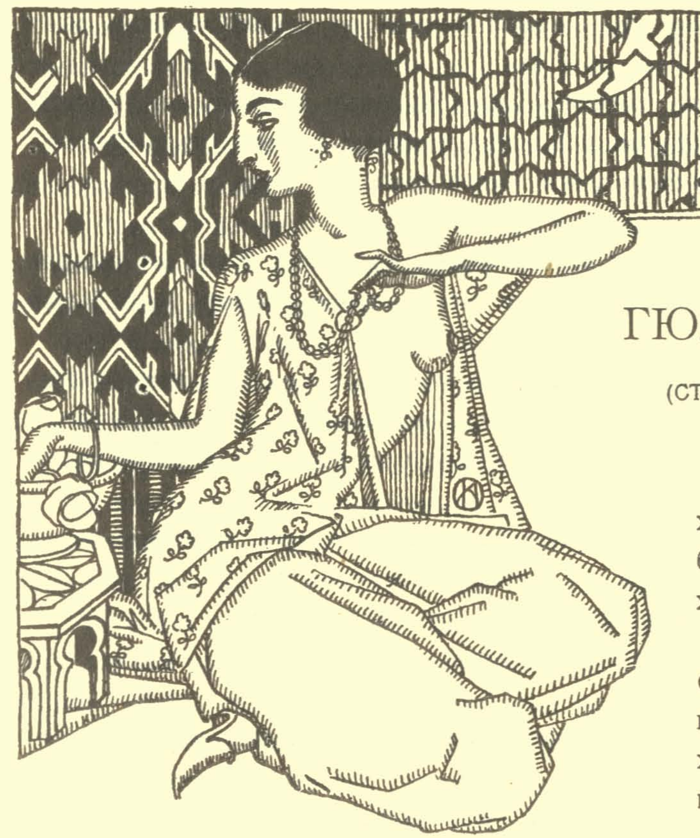

СКЪ ВТОРОЙ

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

МОСКВА—1915.

ГЮЛЯШЪ-ХАНЫМЪ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Туды-Мангу-ханъ былъ похожъ на быка съ вывороченнымъ брюхомъ; къ тому же онъ былъ хромъ и кривилъ на одинъ глазъ.

И всѣ дѣти вышли въ отца; одна Гюляшъ-Ханымъ росла красавицей. Но Туды-Мангу-ханъ говорилъ, что она одна похожа на него.

Самые умные люди часто заблуждаются.

Въ Солгатскомъ дворцѣ хана жило триста женъ, но мать Гюляшъ-Ханымъ занимала цѣлую половину, потому что Туды-Мангу-ханъ любилъ и боялся ее.

Когда она была зла—запиралась у себя, тогда боялся ея ханъ и ждалъ, когда позоветъ.

Зналъ, каковъ бываетъ нравъ у женщины, когда войдешь къ ней не во-время.

А въ народѣ говорили, будто ханша запирается неспроста. Обернувшись птицей, улетаетъ изъ Солгатскаго дворца въ Арпатскій лѣсъ, гдѣ кочуетъ цыганскій таборъ Ибрагима.

Попытался было сказать объ этомъ Туды-Мангу-хану главный евнухъ, но побѣлѣло отъ гнѣва ханское око и длинный чубукъ раскололся о макушку старика.

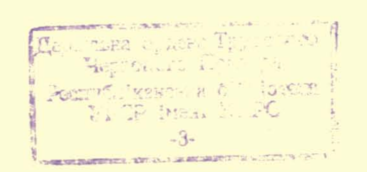
Помнилъ хорошо ханъ, что вмѣстѣ съ Гюляшъ-Ханымъ пришла къ нему удача,—такъ наворожила ея мать. И любилъ ханъ цыганку-жену, потому что первымъ красавцемъ называла его, когда хотѣла угодить.

Улыбался тогда Туды-Мангу-ханъ, и лицо его казалось чубурекомъ, который сочнѣлъ въ курдючномъ салѣ.

И всегда, когда ханъ шелъ на Оръ, онъ бралъ съ собой Гюляшъ-Ханымъ на счастье, чтобы досталось побольше добычи и была она поцѣннѣе.

Одинъ разъ добылъ столько, что понадобилось сто арбъ.

Была удача большая, потому что Гюляшъ-Ханымъ не оставляла хана, даже когда онъ скакалъ на конѣ.

Но арбы шли медленно, а хану хотѣлось поскорѣй домой. Позвалъ онъ Черкесъ-бея и поручилъ ему казну и Гюляшъ-Ханымъ, а самъ ускакалъ съ отрядомъ въ Солгатъ.

Веселъ былъ ханъ, довольны были жены. Скоро привезутъ дары.

Только не всегда случается такъ, какъ думаешь.

Красивъ былъ Черкесъ-бей, строенъ какъ тополь, смѣлъ какъ барсъ, въ глазахъ купалась сама сладость. А для Гюляшъ-Ханымъ настало время слышать, какъ бьется сердце, когда близко красавецъ.

Взглянула Гюляшъ-Ханымъ на Черкесъ-бея и рѣшила остаться съ нимъ,—обратилась въ червонецъ. Покатился червонецъ къ ногамъ бея, поднялъ онъ его, но не положилъ его къ себѣ,—былъ честенъ Черкесъ-бей,—и заперъ червонецъ въ ханскую казну.

Честнымъ поступкомъ не всѣмъ угодишь.

А ночью напалъ на Черкесъ-бея балаклавскій князь, отнялъ арбы, захватилъ казну.

Еле успѣлъ спастись Черкесъ-бей съ немногими всадниками.

И повезли Гюляшъ-Ханымъ съ червонцами въ Балаклаву.

Въ верхней башнѣ замка жилъ греческій князь.

Къ нему и принесли казну.

Открылъ князь казну и началъ хохотать. Вмѣсто червонцевъ—въ казнѣ звенѣлъ рой золотыхъ пчелъ.

— Нашелъ, что возить въ казнѣ глупый Туды-Мангу-ханъ!

Вылетѣлъ рой, поднялся къ верхнему окну; но одна пчела закружилась около князя и ужалила его прямо въ губы.

Поцѣлуй красавицы не всегда проходитъ даромъ.

Отмахнулся князь и задѣлъ крыло пчелы. Упала пчела на полъ, а кругомъ ея посыпались червонцами всѣ остальныя.

Поднялъ отъ удивленія высокую бровь балаклавскій князь и ахнулъ: вмѣсто пчелы у ногъ его сидѣла, улыбаясь, ханская дочь; заглядѣлась на него.

Былъ красивъ Черкесъ-бей, а этотъ еще лучше. Свѣтилось на лицѣ его благородство и въ глазахъ горѣла страсть.

Околдовало его волшебство женской красоты и оттолкнулъ юноша ногой груду золота.

Когда молодъ человѣкъ, глаза лучше смотрятъ, чѣмъ думаетъ голова.

Схватилъ ханшу на руки и унесъ къ себѣ.

Три дня напрасно стучали къ нему старѣйшины, напрасно предупреждали, что выступило изъ Солгата ханское войско.

Напитокъ любви самый пьяный изъ всѣхъ; дурѣетъ отъ него человѣкъ.

А на четвертый день улетѣла Гюляшъ-Ханымъ изъ башни. Обернулась птицей и улетѣла къ своимъ, узнала, что приближается къ Балаклавѣ Черкесъ-бей.

Скакалъ на бѣломъ конѣ Черкесъ-бей впереди своихъ всадниковъ и, услышавъ въ сторонѣ женскій стонъ, сдержалъ коня.

Въ кустахъ лежала Гюляшъ-Ханымъ, плакала и жаловалась, что обидѣлъ ее балаклавскій князь, надругался надъ ней и бросилъ на дорогѣ.

— Никто не возьметъ теперь замужъ.

— Я возьму,—воскликнулъ Черкесъ-бей,—а за твою печаль заплатитъ головой балаклавскій князь.

И думала Гюляшъ-Ханымъ по дорогѣ въ Солгатъ—кто лучше, одинъ или другой, и хорошо бы взять въ мужья обоихъ, и князя бея и еще цыгана Ибрагима, о которомъ хорошо разсказываетъ мать.

Когда имѣешь много, хочется еще больше.

А балаклавскій князь искалъ повсюду Гюляшъ-Ханымъ и, когда не нашелъ у себя, пошелъ, одѣвшись цыганкой, искать въ ханской землѣ.

Черезъ горы и долины шелъ до Солгата.

На много верстъ тянулся городъ, но не было никого на улицахъ. Весь народъ пошелъ на площадь къ ханскому дворцу, потому что Туды-Мангу-ханъ выдавалъ младшую дочь замужъ и угощалъ всѣхъ, кто приходилъ.

Радовался народъ. Сто чалгиджи и сто одно думбало услаждали слухъ, по горамъ горѣли костры; ханскіе слуги выкатывали на площадь бочки съ бузой и бетмесомъ; цѣлое стадо барановъ жарилось на вертелѣ.

Славилъ солгатскій народъ Туды-Мангу-хана и его зятя Черкесъ-бея.

Завтра утромъ повезутъ Гюляшъ-Ханымъ мимо мечети султана Бибарса; будетъ большой праздникъ.

Думала объ этомъ Гюляшъ-Ханымъ, и что-то взгрустнулось ей. Подошла къ рѣшетчатому окошку въ глухой переулокъ и вспомнила балаклавскаго князя.

— Хоть бы пришелъ.

И услышала съ улицы, снизу, старушечій голосъ.

— Хочешь погадаю; вели впустить.

Велѣла Гюляшъ-Ханымъ впустить ворожею и заперлась съ нею вдвоемъ.

— Гадай мнѣ счастье.

Посмотрѣла Гюляшъ-Ханымъ на цыганку. Горѣли глаза безумнымъ огнемъ, шептали уста дикія слова. Отшатнулась ханша. Упали женскія одежды и къ ней бросился балаклавскій князь.

Бываетъ луна бѣлая, бываетъ желтая.

Посмотрѣли люди на небо, увидѣли сразу три луны: одну бѣлую и двѣ въ крови. Подумали—убили двухъ, третій остался.

Вскрикнула Гюляшъ-Ханымъ. Вбѣжалъ Черкесъ-бей. Въ долгомъ поцѣлуѣ слились уста. Мелькнуло лезвіе ятагана, и покатились двѣ головы любившихъ.

Оттолкнулъ Черкесъ-бей тѣло Гюляшъ-Ханымъ и женился въ ту же ночь на старшей дочери хана.

Потому что не долженъ мужикъ жалѣть бабу.

Теперь отъ Солгатскаго дворца остались однѣ развалины. Совсѣмъ забылось имя Гюляшъ-Ханымъ. Но въ осеннюю пору, когда у мѣстныхъ татаръ играютъ свадьбы, въ лунную ночь видятъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ хана, встрѣчаются двѣ тѣни. И спрашиваетъ одна:

— Зачѣмъ ты погубилъ меня?

И отвѣчаетъ другая:

— Я любилъ тебя.

ГИБЕЛЬ ГИРЕЯ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Золото и женщина—двѣ гибели, которыя ждутъ человѣка, когда въ дѣло вмѣшается Шайтанъ.

Если высохла душа, дряблымъ стало тѣло—тогда золото.

Если кипитъ еще кровь и не погасъ огонь во взорѣ—тогда женщина.

Шайтанъ знаетъ, какъ кому угодить, чтобы потомъ получше посмѣяться.

Казалось, не было на землѣ хана умнѣе солгатскаго; казалось, могущественный Арсланъ-Гирей имѣлъ все, чтобы быть довольнымъ. Сто три жены и двѣсти наложницъ, дворецъ изъ мрамора и порфира, сады и кофейни, безчисленные табуны лошадей и отары овецъ. Чего еще было желать?

Казалось такъ.

Но по ночамъ приходилъ къ Гирею кто-то и тревожилъ его мысль.

— Все есть, только мало золота.

— Откуда взять много золота,—спрашивалъ самъ себя Гирей. И не спалъ до утра.

И вотъ разъ, когда пришли къ нему беки, велѣлъ имъ созвать мудрецовъ со всего ханства.

Не знали беки—для чего, и каждый привелъ своего пріятеля, хотя бы онъ и не былъ мудрецъ.

— Средство хочу,—объявилъ ханъ,—чтобы камень золотомъ становился.

Подумали беки и мудрецы:—Помѣшался ханъ; если бы можно было такъ сдѣлать, давно бы люди сдѣлали.

Однако сказали:—Воля падишаха священна. Дай срокъ.

Черезъ недѣлю попросили:—Если можешь, подожди.

А черезъ двѣ, когда открыли ротъ, чтобы просить новаго срока, ханъ ихъ прогналъ.

Умный былъ ханъ.

— Пойду самъ поискать въ народѣ мудреца,—рѣшилъ онъ.

Беки отговаривали:—Не слѣдуетъ хану ходить въ народъ. Мало ли что можетъ случиться. Можетъ услыхать ханъ такое, чего не должно слышать благородное ухо.

— Все же пойду.

Одѣлся дервишемъ и пошелъ.

Правду сказали беки. Много обиднаго услышалъ Гирей и о себѣ и о бекахъ, пока бродилъ по солгатскимъ базарамъ и кофейнямъ. Говорили и о послѣдней его затѣѣ:

— Помѣшался ханъ, изъ камня золото захотѣлъ сдѣлать. А иные добавляли:—Позвалъ бы нашего Кямилъ—джинджи, можетъ быть, что и вышло.

— А гдѣ живетъ Кямилъ—джинджи?

И ханъ пошелъ къ колдуну; разсказалъ ему, чего хочетъ.

Долго молчалъ джинджи.

— Ну, что же?

— Трудно будетъ... Если все сдѣлаешь, какъ скажу, можетъ, что и выйдетъ.

— Сдѣлаю.

И ханъ поклялся великою клятвою:—Да ослабѣютъ всѣ три печени, если не сдѣлаю такъ.

И повторилъ:—Учь талакъ бошъ олсунъ.

Тогда сѣли въ арбу и поѣхали. Восемь дней ѣхали. На девятый подъѣхали къ Керченской горѣ.

— Теперь пойдемъ.

Шли въ гору, пока не стала рости тѣнь. А когда остановились, джинджи началъ читать заклинаніе.

На девятомъ словѣ открылся камень и покатился въ глубину, а за нимъ двѣ змѣи, шипя, ушли въ подземный ходъ. Свѣтилась чешуя змѣй луннымъ свѣтомъ, и увидѣлъ ханъ по стѣнамъ подземелья нагихъ людей, пляшущихъ козлиный танецъ.

— Теперь уже близко. Повторяй за мной: Хелъ-хала-халъ.

И какъ только ханъ повторилъ эти слова, упали впереди желѣзныя ворота, и ханъ вошелъ въ другой міръ.

Раздвинулись стѣны подземелья, брилліантами заискрились серебряные потолки.

Стоялъ ханъ на грудѣ червонцевъ и цѣлыя тучи ихъ неслись мимо него.

Поднялся изъ земли золотой камень; кругомъ зажглись рубиновые огни и среди нихъ ханъ увидѣлъ дѣвушку, которая лежала на листѣ лотоса.

Завыла черная собака; вздрогнулъ джинджи.

— Не смотри на нее.

Но ханъ смотрѣлъ, зачарованный. Потускнѣли для него брилліанты; грубой мѣдью казалось золото, ничтожными всѣ сокровища міра.

Не слышалъ Гирей ея голоса, но все въ душѣ у него пѣло, пѣло пѣснь нѣжную, какъ ароматъ цвѣтущаго винограда.

— Скорѣй возьми у ногъ ея вѣтку,—бросился къ нему джинджи,—и всѣ богатства міра въ твоихъ рукахъ.

Поднялась съ ложа царевна.

— Арсланъ-Гирей не омрачитъ своей памяти, похитивъ у дѣвушки ея чары. Онъ былъ храбръ, чтобы притти и, придя, онъ полюбилъ меня. И онъ останется со мной.

Потянулись уста царевны навстрѣчу хану, заколебался воздухъ. Полетѣли золотыя искры, вынесли джинджи изъ нѣдръ Керченской горы и перебросили его на солгатскій базаръ.

Окружили его люди.

— Слышалъ? Пропалъ нашъ ханъ,—говорили ему.—Жаль Арсланъ-Гирея.

Но джинджи тихо покачалъ головою.

— Не жалѣйте Гирея,—онъ нашелъ больше, чѣмъ искалъ.

МЮСКЪ-ДЖАМИ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Когда пройдетъ дождь, старо-крымскіе татары идутъ къ развалинамъ Мюскъ-джами, чтобы вдохнуть ароматъ мускуса и потолковать о прошломъ. Вспомнить Юсуфа, который построилъ мечеть.

Когда жилъ Юсуфъ? Кто знаетъ когда. Можетъ быть еще когда Эски-Крымъ назывался Солгатомъ.

Тогда по городу всюду били фонтаны, по улицамъ двигались длинные караваны, и сто гостиницъ открывали ворота проѣзжимъ. Тогда богатые важно ходили по базару, а бѣдные низко имъ кланялись и съ благодарностію ловили брошенную монету.

— Алла-разы-олсунъ, ага.

Но былъ одинъ, который не наклонялся поднять брошеннаго и гордо держалъ голову, хотя и былъ носильщикомъ тяжестей.

Мозоли на рукахъ не грязнятъ души.

Да будетъ благословенно имя Аллаха!

Носильщикъ Юсуфъ не боялся говорить правду, богатымъ и бѣднымъ все равно.

Ибо время—рѣшето, черезъ него пройдетъ и бѣдность и богатство.

— Богатые, говорилъ Юсуфъ, у васъ дворцы и золото, товары и стада, но совѣсть укралъ кто-то. Нѣтъ сердца для бѣдныхъ; разрушается мечеть, скоро рухнетъ сводъ. Отдайте часть.

— Пэкъ-эй, такъ, такъ, думали про себя бѣдняки, но богатые сердились.

— Ты кто, чтобы учить? Посмотрѣли бы, если бы былъ богатъ.

Покатилась слеза изъ глазъ Юсуфа, и взглянулъ онъ на небо. Плылъ по небу Божій ангелъ.

И сказалъ Юсуфъ ангелу:

— Хочу имѣть много золота, чтобы построить новую мечеть; и чтобы помочь тому, кто въ нуждѣ, хочу быть богаче всѣхъ.

Унесъ ангелъ мысль сердца Юсуфа выше звѣздъ, выше свѣта; унесъ. А люди, злые люди хотѣли бросить его въ пропасть въ Аргамышскомъ лѣсу. Много костей человѣческихъ тамъ на днѣ, если только есть дно.

И поспѣшилъ уйти отъ нихъ Юсуфъ на площадь. На площади остановился караванъ, потому что умеръ внезапно погонщикъ верблюда, и нужно было замѣнить его.

— Можетъ быть ты сможешь погонять верблюда,—спросилъ хозяинъ каравана.

— Можетъ быть смогу,—отвѣтилъ Юсуфъ и нанялся погонщикомъ.

И ушелъ съ караваномъ за Индолъ, на Индъ.

Кто не слыхалъ объ этой странѣ!

Въ камняхъ тамъ родится лучистый алмазъ; на днѣ моря живетъ драгоцѣнный жемчугъ; изъ снѣжныхъ горъ везутъ ткань легче паутины, и корни травъ пьютъ изъ земли ароматъ и отраву.

Много лѣтъ провелъ Юсуфъ въ этой странѣ; спускался съ горъ въ долины и поднимался опять въ горы.

Благословилъ ангелъ пути его, росло богатство хозяина, но Юсуфъ оставался бѣднякомъ.

Когда къ рукѣ не липнетъ грязь, не прилипаетъ и золото. Удивлялся хозяинъ:—Гдѣ найти такого?

Одинъ разъ привезъ Юсуфъ хозяину мѣшокъ алмазовъ, какихъ никогда не видалъ хозяинъ. И не взялъ себѣ ни одного.

Подумалъ тогда хозяинъ о своемъ сынѣ, отъ котораго зналъ только обманъ, и сказалъ близкимъ:

— Вы слышите, если умру, Юсуфу, а не сыну—мое богатство.

И вскорѣ умеръ.

Такъ бываетъ. Сегодня живъ, а завтра умеръ; вчера не было, сегодня пришло.

И сталъ Юсуфъ богаче всѣхъ купцовъ своего города.

Была пятница, когда его караванъ приблизился къ Солгату. Тысяча верблюдовъ шли одинъ за другимъ.

И никто не подумалъ, что это караванъ Юсуфа.

Не узнали его, когда подошелъ къ мечети.

Не догадались, когда сказалъ:

— Вотъ упалъ сводъ.

Молчали.

— Иногда молчишь, когда думаешь, когда стыдно станетъ—тоже молчишь.

Такъ подумалъ Юсуфъ и сказалъ:

— Не отдадимъ ли части богатства?

Закричали солгатскіе беки:

— Если имѣешь, отдай!

Усмѣхнулся Юсуфъ.

— Юсуфъ обѣщалъ сдѣлать такъ.

Тогда подумали,—не онъ ли Юсуфъ.

— Бываютъ чудеса.

А на другой день сотни рабочихъ пришли на площадь, гдѣ была мечеть, чтобы сломать старыя стѣны.

— Прислалъ Юсуфъ-ага.

И, по слову Юсуфа, стали подвозить со всѣхъ сторонъ молочный камень, слоновую кость, золотую черепицу.

— Такой мечети не было въ Крыму, говорили въ народѣ и называли Юсуфа отцомъ праведныхъ, узнавъ что, по заказу его, пришелъ въ Кафу корабль съ мускусомъ, и приказалъ онъ бросать ароматный порошокъ въ кладку стѣнъ новой мечети.

— Чтобы, когда пройдетъ дождь, съ паромъ отъ земли поднималось къ небу и благовоніе отъ подножья Мюскъ-джами.

Прошло двѣ зимы, и къ празднику жертвъ была готова мечеть.

Къ небу шли бѣлыя башни минаретовъ, сверкали золотомъ скаты крышъ, порфировые пояса бѣжали по сводамъ.

— Абдулъ-гази Юсуфъ, Юсуфъ отецъ праведныхъ, иди принести первую жертву!

Заклалъ Юсуфъ жертвеннаго барана и отдалъ бѣднѣйшему носильщику.

— Такимъ былъ Юсуфъ, когда просилъ ангела о богатствѣ, чтобы построить мечеть.

И взглянулъ Юсуфъ на небо. Плыло свѣтлое облако и, остановившись надъ мечетью, осыпало землю бриллiантовымъ дождемъ.

Тогда благовоніе мускуса поднялось отъ подножья мечети.

И упалъ народъ передъ Юсуфомъ на колѣни.

— Юсуфъ, ты достоинъ быть повелителемъ Солгата.

Но Юсуфъ покачалъ головой.

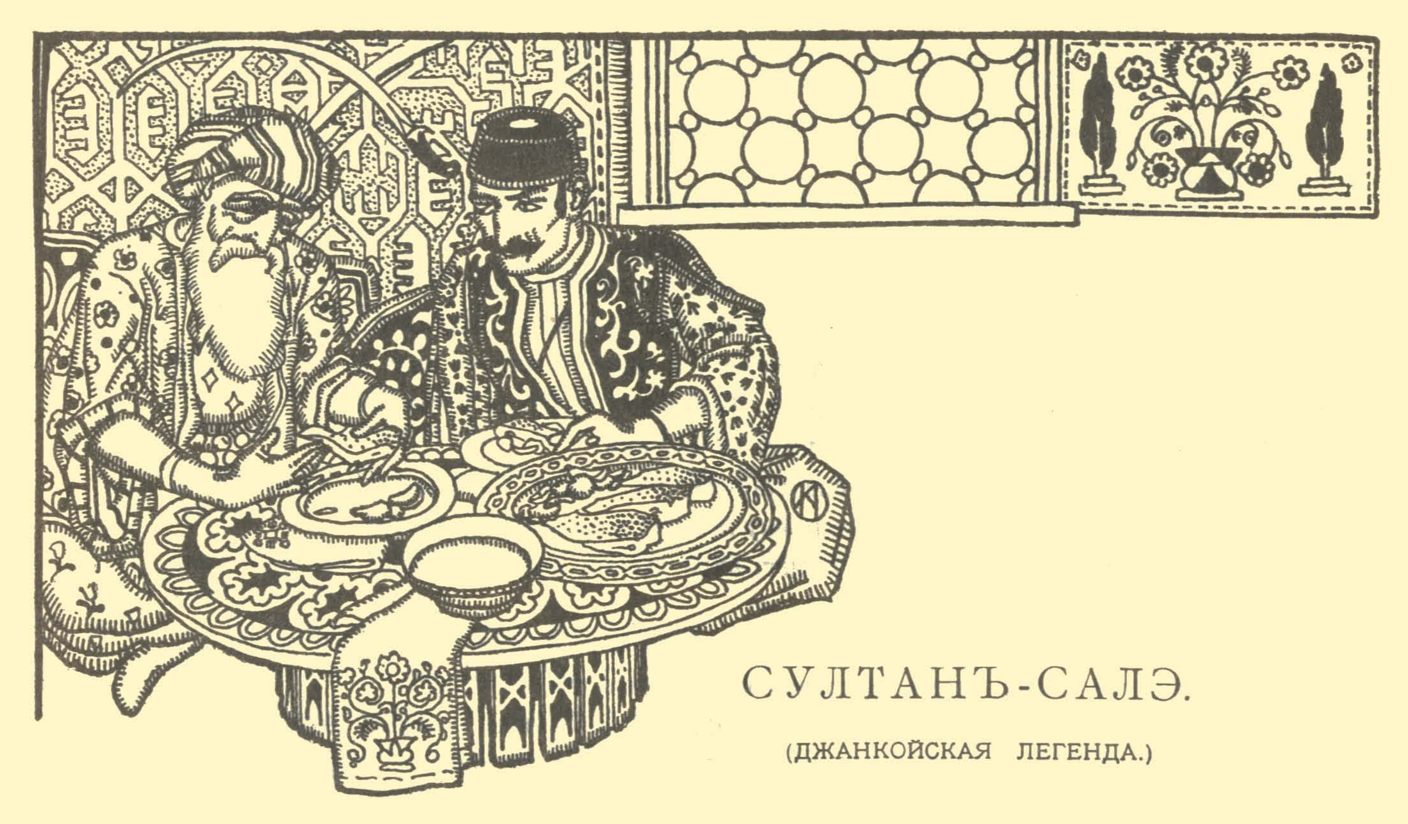
— Власть—пропасть между людей.

И остался навсегда съ бѣдными, потому что, раздавъ все, сталъ самъ опять бѣднякомъ.

Но народъ забылъ хановъ и бековъ, и не забылъ Юсуфа.

И когда, послѣ дождя, старо-крымскіе татары собираются къ развалинамъ Мюскъ-джами, чтобы вдохнуть въ себя ароматъ мускуса, всегда вспоминаютъ праведнаго Юсуфа.

СУЛТАНЪ-САЛЭ.

(ДЖАНКОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

И сто лѣтъ назадъ развалины Султанъ-Салэ стояли такими же, какъ теперь.

Бури и грозы не разрушили ихъ.

Видно, хорошіе мастера строили мечеть Султана-Салэ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

А былъ Салэ раньше простымъ пастухомъ, и хата его была послѣдней въ Джанькоѣ.

Какой почетъ бѣдняку! И не смѣлъ онъ переступить богатаго порога.

Но разъ, выгоняя коровъ на пастьбу, Салэ зашелъ на ханскій дворъ и увидѣлъ дочь бека.

Есть цвѣты, красота которыхъ удивляетъ, иные плоды заставляютъ забыть всякую горечь. Но у цвѣтовъ и плодовъ нѣтъ черныхъ глазъ, которые загораются любя; нѣтъ улыбки, что гонитъ горе, и въ движеніи нѣтъ ласки, отражающей рай пророка.

Салэ понялъ это, когда поднималась по лѣстницѣ Ресамханъ.

Съ тѣхъ поръ пересталъ ѣсть и пить бѣдный пастухъ, а старуха мать потеряла покой.

— Что случилось, спрашивала она сына, и молчалъ Салэ.

Но внезапно умерла Ресамханъ отъ рыбьей кости, и когда узналъ объ этомъ Салэ, не стало въ лицѣ его кровинки. Тогда открылось все матери, и поняла она, отчего обезумѣлъ сынъ, ея бѣдный Салэ, который ночью принесъ тѣло дѣвушки, вырытое изъ могилы.

Жемчугъ бываетъ разный. Жемчугъ слезъ, которыя родились въ любви, самый чистый изъ всѣхъ.

Плакалъ Салэ, обнимая тѣло, и отъ дыханія ли любви, отъ горячихъ слезъ его— стало теплымъ тѣло.

Бросился Салэ къ матери. И въ простотѣ сердца сказала мать, что не умирала Ресамханъ и, устранивъ кость, оживила дѣвушку.

Но какъ только Ресамханъ открыла глаза, поспѣшилъ Салэ укрыться отъ ея взора, ибо самый малый камешекъ можетъ смутить чистоту водъ хрустальнаго ручья.

Тронула сердце дѣвушки такая любовь, а великій Аллахъ далъ ей не одну красоту. Долго помнилъ потомъ народъ въ Джанъ-коѣ мудрость Ресамханъ.

И поняла она, что есть и чего нѣтъ въ пастухѣ.

— Пусть пойдетъ, сказала она старухѣ, въ Кефеде, на пристань; тамъ сидитъ Ахметъ-ахай; онъ дастъ Салэ на копѣйку мудрости, на копѣйку другой.

Проникъ въ душу пастуха Ахметъ-ахай своимъ взоромъ, когда пришелъ Салэ къ нему на пристань и далъ совѣтъ.

Одинъ:—Помни, не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

И другой:—Цѣни время, не спрашивай того, что тебя не касается.

Улыбнулась Ресамханъ, когда мать пастуха разсказала о совѣтѣ Ахметъ-ахая.

— Пусть такъ и дѣлаетъ. И я скажу. Въ Кефеде стоятъ корабли. Хорошо будетъ, если возьмутъ Салэ на большой корабль. Въ чужихъ краяхъ онъ узнаетъ больше, чѣмъ знаютъ наши, и тогда первый бекъ не постѣснится принять его въ домъ.

Вздохнулъ Салэ, просилъ мать укрыть Ресамханъ, пока не вернется, и, нанявшись на корабль, отправился въ дальнія страны, и не вернулся назадъ, пока не узналъ моря, какъ зналъ раньше степь.

Въ степи—ширь и въ морѣ—ширь, но не знаетъ степь бурной волны, и тишь степная не страшитъ странника.

Когда корабль Салэ былъ у трапезундскихъ береговъ, повисли на немъ паруса, и много дней оставался онъ на мѣстѣ.

Тогда послали Салэ и другихъ на берегъ найти воду.

У черной скалы былъ колодезь, и корабельные поспѣшили спустить въ него свои ведра, но не вынули ихъ, потому что кто-то отрѣзалъ веревку.

— Нужно посмотрѣть—кто, сказалъ Салэ. Однако изъ страха никто не полѣзъ.

— Не полѣзу—все равно пропаду,—подумалъ Салэ и спустился къ водѣ.

У воды, въ пещерѣ, сидѣлъ старикъ, втрое меньше своей бороды; передъ нимъ красавица арабка кормила собаку, а вокругъ стояло тридцать три кола и на всѣхъ, кромѣ одного, торчали человѣческія головы.

— Собаныхъ-хайръ-олсунъ, привѣтствовалъ Салэ старика. И на вопросъ—какъ сюда попалъ, присѣвъ на корточки, разсказалъ, какъ случилось.

Усмѣхнулся старикъ.

— Если у тебя есть глаза, ты долженъ видѣть, куда попалъ. Какъ же ты не удивился и не спросилъ, что все это значитъ.

— Есть мудрый совѣтъ, отвѣчалъ Салэ, не разспрашивай того, что тебя не касается.

Шесть разъ икнулъ волшебникъ, и встала торчкомъ его борода.

— Вижу, ты большой мудрецъ. Скажи тогда—что красивѣе; арабка или собака.

Не задумался Салэ.

— Не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

Плюнулъ въ ладонь старикъ и, замахнувшись ятаганомъ, снесъ головы арабкѣ и собакѣ.

— Когда разъ ночью пришелъ къ женѣ, я нашелъ чужого, и, по моему слову, женщина стала собакой, а мужчина женщиной. Ты видѣлъ ихъ. Потомъ приходили люди, не отвѣтили какъ ты. Зато бараньи головы ихъ на колу, а твоя останется на плечахъ.

И старикъ наградилъ Салэ. Кромѣ воды, вынесъ Салэ изъ-подъ земли ведро разныхъ камней.

Не бросилъ ихъ назадъ въ колодецъ, какъ совѣтовали корабельные, а послалъ съ первымъ случаемъ къ матери въ Джанъ-кой.

Пожалѣла мать, что камни, а не деньги, подумала—потерялъ Салэ разумъ, но Ресамханъ сказала старухѣ, чтобы позвала богатаго караима, и караимъ отдалъ за камни много золота, столько золота, сколько не думала старуха, чтобы было на свѣтѣ.

А черезъ годъ возвращался Салэ домой и на пути въ Джанъ-кой встрѣтилъ табуны лошадей, и атары овецъ, и стада скота, и когда спрашивалъ—чьи они, ему отвѣчали:

— Аги Салэ.

— Вѣрно новый богачъ въ Джанъ-коѣ, думалъ Салэ и не подумалъ о себѣ.

Много лѣтъ не былъ Салэ въ Джанъ-коѣ и не узналъ деревни; и упало у него сердце, когда не увидѣлъ своей хаты, а неподалеку отъ мѣста, гдѣ она была, стоялъ на пригоркѣ большой домъ, должно быть тоже Аги-Салэ.

Когда пѣтухъ пьетъ воду, онъ за каждый глотокъ благодаритъ Аллаха. Такимъ былъ Салэ съ тѣхъ поръ, какъ ожила Ресамханъ. Теперь поникъ онъ головою и въ печали сѣлъ у ограды новаго дома.

Но когда ждешь кого—зорко видитъ глазъ, и увидѣла Ресамханъ Салэ у ограды и послала старуху мать позвать Салэ въ его новый домъ.

Если падаешь духомъ, вспомни о Салэ и улыбнись его счастьемъ. Можетъ быть и къ тебѣ придетъ оно.

Первымъ богачомъ сталъ Салэ на деревнѣ, первымъ щеголемъ ходилъ по улицѣ, а когда садился на сѣраго коня, выходили люди изъ домовъ посмотрѣть на красавца-джигита.

Увидѣлъ его старый бекъ изъ башни ханскаго дворца, послалъ звать къ себѣ, три раза звалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ нему Салэ, а когда пришелъ, позвалъ бека къ себѣ въ гости.

Угощалъ Салэ старика и не зналъ старикъ, что подумать. Никто, кромѣ Ресамханъ, не умѣлъ такъ приготовить камбалу, поджарить каурму.

— Если бы Ресамханъ была жива, отдалъ бы ее за тебя.

И тогда открылъ Салэ беку свою тайну, и сорокъ дней и ночей пировалъ народъ на свадьбѣ Аги Салэ.

Черезъ годъ родился у бека внукъ и стали называть его Султаномъ-Салэ.

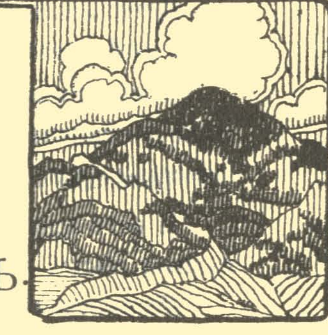
А когда Султанъ-Салэ сталъ старымъ и не было уже въ живыхъ его отца, построилъ онъ, въ его память, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде хата, такую мечеть, какой не было въ окрестности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ; не только люди—перемѣнились камни; въ Джанькоѣ не стало татаръ и давно уже живутъ греки, а стѣны мечети Султанъ-Салэ стоятъ, какъ стояли, гордыя своими арками и поясами.

Видно, хорошіе мастера строили ихъ и зоркій глазъ наблюдалъ за ними.

КЕМАЛЪ-БАБАЙ— ДѢДУШКА КЕМАЛЪ.

(КАРАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не искалъ почета, не искалъ золота; искалъ правду. Когда увидѣлъ—ушла правда, тогда умеръ Кемалъ-бабай.

Сколько лѣтъ было Кемалъ-бабаю, не знали. Думали— сто, можетъ быть, двѣсти.

Онъ жилъ такъ долго, что вся деревня стала родней; онъ жилъ такъ много, что дряхлое ухо не различало шума жизни, а глазъ пересталъ слѣдить за ея суетой.

Иногда о немъ забывали, и только, когда весеннее солнце заливало золотомъ лучей вершины Карадага, вспоминали, что онъ живъ.

— Опять идетъ на гору.

Кемалъ-бабай шелъ, чтобы омыть лицо весенней струей изъ родника.

Навстрѣчу неслись гимны аромата цвѣтовъ; легкій бризъ игралъ, лаская землю; радость бытія наполняла существо.

Кемалъ-бабай прислушивался къ доходящимъ ощущеніямъ и въ нихъ искалъ себя.

Старый, дряхлый Кемалъ-бабай, ноги котораго еле двигаются и руки съ трудомъ поднимаются для молитвы, ты ли тотъ самый Кемалъ, который въ бурную ночь плылъ между скалъ къ кораблю, чтобы предупредить объ опасности. Смѣлый Кемалъ, не боявшійся самымъ сильнымъ и богатымъ говорить въ лицо слово правды; Кемалъ, котораго изгнали изъ девяти странъ, ибо, кто говоритъ правду, того изгоняютъ изъ девяти государствъ, какъ потомъ сталъ говорить народъ.

Катилась жизнь твоя, Кемалъ, какъ бурная рѣка, пока не нашелъ пріюта въ бѣдной деревушкѣ.

Кто знаетъ коранъ лучше муллы, кто понимаетъ арабскую книгу, кто побывалъ въ Меккѣ и Стамбулѣ—тотъ мудрый человѣкъ. А мудраго человѣка не тронутъ въ деревнѣ.

И вотъ долго живетъ Кемалъ подъ Карадагомъ, много весенъ прошло; и каждую весну идетъ на гору, къ ручью, гдѣ дѣлаетъ на деревѣ зарубку.

Потомъ сочтетъ—сколько лѣтъ ждалъ правду на землѣ. Потому что все ждетъ ее чистый духомъ человѣкъ.

Такъ думалъ Кемалъ-бабай, спускаясь въ долину, когда вечерняя синева бѣжала по склонамъ вслѣдъ за уходящимъ свѣтомъ дня.

Такъ шли годы, много уже зарубокъ на дубѣ, до вѣтвей дошли.

И вотъ пришло время зноя, какого не знали раньше. Солнце выжгло траву, изсушило листъ; вымерли ручьи: воздухъ жегъ дыханіе.

Молились въ мечети; спрашивали Кемалъ-бабая:

— Что будетъ?

— Покажется мѣсяцъ, пойдетъ дождь, землю зальетъ. Горе будетъ.

Ждали люди. Сверкнулъ серебристый серпъ на безоблачномъ небѣ,—не похоже было на дождь.

— Плохой пророкъ Кемалъ-бабай.

Но за ночь набѣжавшія тучи потушили огни звѣздъ, блеснула разгнѣванная молнія, загрохоталъ перекатомъ по горамъ громъ; понеслись по землѣ странные голоса и дикимъ ревомъ загудѣлъ ливень. Не было еще такого.

— Правду сказалъ Кемалъ-бабай!

Испугались люди.—Горе будетъ, сказалъ.

И насталъ ужасъ.

Хлынулъ на деревню бѣшеный потокъ съ горъ и унесъ въ море всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать. Обезумѣлъ богатый Велли. Клялся все вернуть, что отнялъ у сосѣда,—и домъ и садъ, если найдется дочь. Старый Муслядинъ умолялъ помочь ему,—всѣ долги проститъ. И было чистое сердце у нихъ. И вспоминали имя Аллаха, даже кто никогда не произносилъ его. Ибо было горе кругомъ, и не надѣялись на себя.

Молились въ мечети; ждали, что скажетъ Кемалъ-бабай.

Какъ въ арабской книгѣ читалъ Кемалъ-бабай въ ихъ сердцахъ; зналъ, что думали и, казалось ему, что стала близка правда.

Вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ туда, гдѣ завернулся въ облако Карадагъ. Чудился ему свѣтъ зеленый, какъ чалма Пророка.

Смотрѣли люди—не видѣли.

Прислушался Кемалъ-бабай. Сверху, съ неба ли, съ горъ,—неслись радостные голоса.

Слушали люди—не слышали.

А черезъ день тамъ, куда глядѣлъ Кемалъ-бабай, засверкалъ солнечный лучъ.

Прошла бѣда, пришли въ себя люди.

Многихъ не стало. Взяли себѣ сосѣди ихъ землю и благодарили Аллаха, что не ихъ постигла гибель.

Почувствовалъ Кемалъ-бабай, что убѣгаетъ правда и началъ корить людей.

Больше всѣхъ обидѣлъ бѣдныхъ кохтебельскій мурзакъ, больше всѣхъ корилъ его; запретилъ деревенскимъ ходить къ нему.

А когда иные пошли тайкомъ,—отвернулся отъ нихъ въ мечети.

— Кто съ ворономъ пируетъ, у того не бываетъ чистаго клюва!

Растерялся мурзакъ, не зналъ, что дѣлать. Досталъ изъ сундука кисетъ съ червонцами и понесъ ночью къ Кемалъ-бабаю.

— Не срами только.

Швырнулъ червонцы Кемалъ-бабай.

— Уходи!

Упалъ мурзакъ передъ старикомъ, сталъ просить.

— Скоро умрешь, на всю деревню сдѣлаю поминки, на могилѣ столбъ съ чалмой поставлю; много денегъ дамъ имамамъ; скажутъ имамы:—Кемалъ-бабай былъ святой, Кемалъ-бабай—азисъ. Все сдѣлаю, похвали людямъ меня.

Понялъ Кемалъ-бабай слова мурзака, отвернулся отъ него. Закипѣлъ гнѣвомъ мурзакъ, какъ ужаленный бросился на старика и началъ бить его.

— Скажи, что сдѣлаешь, какъ хочу. Или убью тебя.

— Убей, хрипѣлъ Кемалъ-бабай, переставая дышать.

Пришли на утро люди и увидѣли, что умираетъ Кемалъ-бабай. Ничего не сказалъ, что случилось съ нимъ. Зналъ, что не нужно больше корить мурзака. Зналъ, что ночью занемогъ мурзакъ и больше жить не будетъ.

Спросили люди: не надо ли чего и гдѣ схоронить его.

— Тамъ, гдѣ упадетъ моя палка.

— Вѣроятно бредитъ старикъ, думали.

Но, собравъ послѣднія силы, поднялся Кемалъ-бабай, перешагнулъ порогъ бросилъ кверху свою палку, зашатался и испустилъ духъ.

А палка высоко взвилась къ небу и полетѣла на Карадагъ.

Побѣжали за ней и нашли у ручья.

Тамъ и схоронили святого.

И, схоронивъ, сосчитали, сколько было зарубокъ на деревѣ.

— Девяносто девять...

Рѣшили, что было Кемалъ-бабаю сто лѣтъ и сдѣлали сотую.

Настало хорошее время. Горы покрылись зеленой травой. Быстро оправились тощія стада. Не возвращались на ночлегъ домой, ночевали въ горахъ, и по ночамъ чабаны видѣли зеленый свѣтъ на могилѣ Кемалъ-бабая. Посылалъ мулла провѣрить,—сказали, что правда.

— Уже не въ самомъ ли дѣлѣ азисъ Кемалъ-бабай?

Ждали чудесъ.

И случились чудеса.

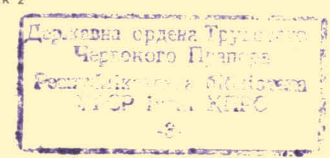
Изъ Отузъ, Козъ и Капсихора привозили больныхъ. Многимъ помогало.

Тогда имамы объявили Кемалъ-бабая азисомъ.

И немощные стали приходить со всѣхъ сторонъ Крыма.

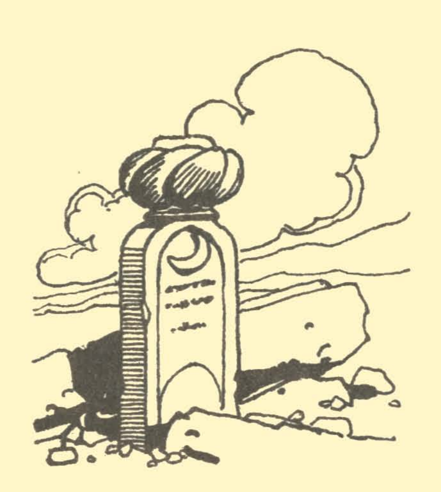

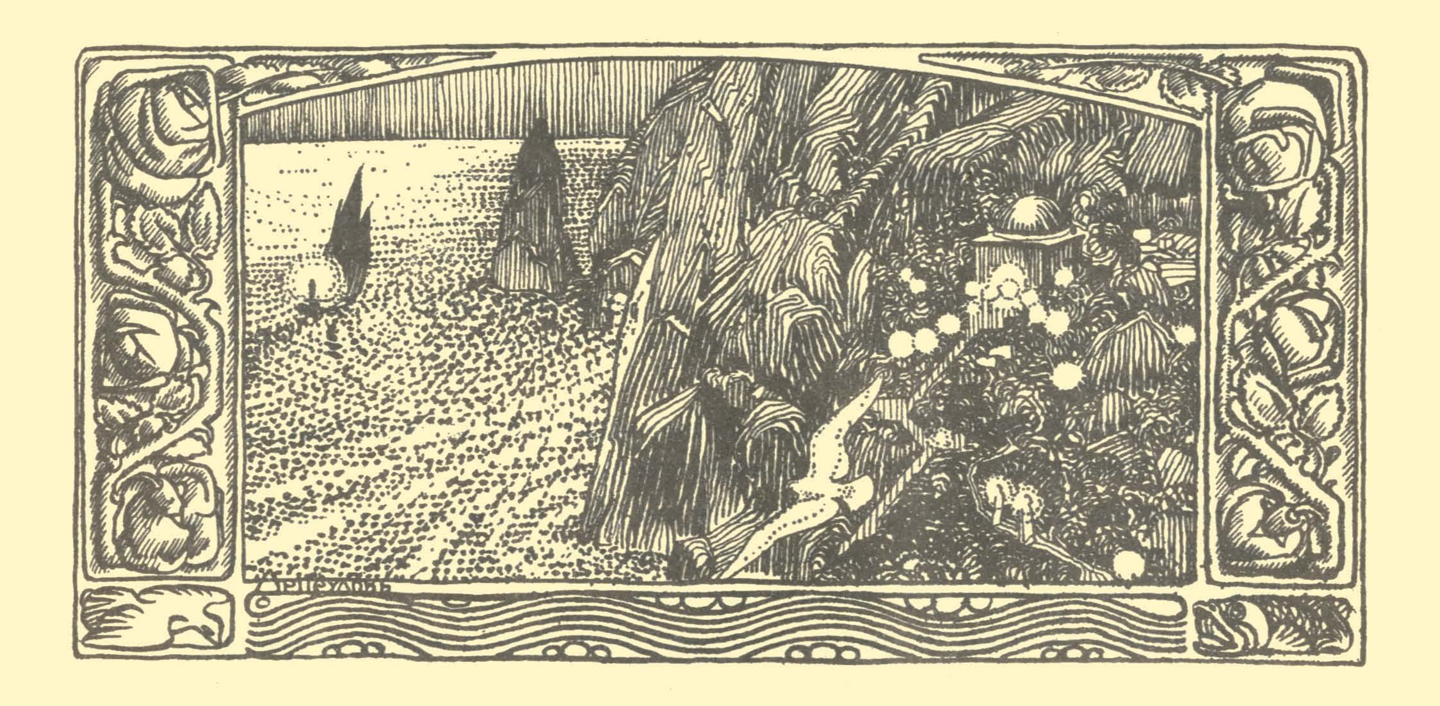

Приходятъ и теперь. Привозятъ больныхъ изъ Алушты и Ускюта, изъ Акмечети и Бахчисарая. Говорятъ, всѣмъ помогаетъ, кто приходитъ съ чистой душой.

Всю жизнь искалъ правды Кемалъ-бабай; кто придетъ къ нему съ правдой, тому поможетъ онъ.

Потому что Кемалъ-бабай—азисъ, святой.

ТИХІЙ ЗВОНЪ.

(ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ КАРАДАГѢ.)

Сказаніе о Карадагскомъ монастырѣ, неимѣвшемъ по бѣдности колоколовъ, и о звонѣ св. Стефана, который услышали съ моря, когда правитель страны Анастасъ освободилъ невинно осужденнаго,—живетъ понынѣ среди рыбаковъ.

Отвѣсными спадами и пропастями надвинулся Карадагъ на безпокойное море, хотѣлъ задавить его своею тяжестью и засыпать тысячью подводныхъ камней.

Какъ разъяренная, бросается волна къ подножью горнаго великана, бѣлой пѣной вздымается на прибрежныя скалы и, въ безсиліи проникнуть въ жилище земли, сбѣгаетъ въ морскія пучины.

Дышетъ мощью борьбы суровый Карадагъ, гордой пѣсней отваги шумятъ черныя волны, красота тихой глади рѣдко заглянетъ въ изгибъ береговъ.

Только тамъ, гдѣ зеленымъ откосомъ сползаетъ ущелье къ заливу, чаще вѣетъ миромъ покоя, свѣтлѣй глубина синихъ водъ, манитъ нѣгой и лаской привѣтливый берегъ.

Обвилъ виноградъ въ этомъ мѣстѣ сѣрые камни развалинъ древняго храма, желтый шиповникъ смѣшался съ пунцовымъ пiономъ и широкiй орѣхъ тѣнитъ усталаго прохладой въ знойный день.

Въ свѣтлыя ночи встаютъ изъ развалинъ видѣнья давнихъ лѣтъ; церковная пѣснь чудится въ легкомъ движенiи отлива; точно серебрится въ лунныхъ лучахъ исчезнувшiй крестъ.

Изъ ущелья, въ бѣлыхъ пятнахъ тумана, выходятъ тѣни людей; въ черныхъ впадинахъ скалъ зажигаетъ свѣтлякъ пасхальныя свѣчи; шелестятъ по листвѣ голоса неясною сказкой.

Мiръ таинственныхъ грезъ подходитъ къ мiру видѣнiй, и для чистой души, въ сочетанiяхъ правдивыхъ, исчезаетъ грань мѣстъ и временъ.

Колыхаясь огромный корабль отдѣляется отъ скалъ и идетъ въ зыбь волны. На кормѣ у него, въ ореолѣ лучей, уходящiй на мученическiй подвигъ святитель Стефанъ; отразились лучи по волнѣ серебристымъ отсвѣтомъ.

Оглянулся святитель на землю: затемнилась гора. Черной мантiей укрылъ Карадагъ глубины пропастей, черной дымкой задернулись воды залива. Молился Стефанъ. Легкiй бризъ доносилъ до земли святыя слова и внимали имъ тѣни у развалины храма.

Изъ толпы отдѣлилась одна; свѣтъ звѣзды побѣжалъ по мечу правителя Ѳулъ Анастаса. Со скалы взбилъ крылами мощный орелъ; содрогнулся рой видѣнiй.

Изъ пещеры взлетѣла сова. Раздалось погребальное пѣнье оттуда, и плачевной волной понеслось. Догорающiй свѣтъ, отголосокъ костра рыбаковъ, по тропинкѣ скользнулъ и на ней промелькнула тѣнь старца.

Плакалъ старецъ,—въ Свѣтлую ночь совершилось въ Ѳулахъ убiйство,—на кровавый искусъ осудилъ Анастасъ неповинныхъ.

Оборвались откуда-то камни, долго бѣжали по кручамъ оврага; въ шорохѣ ихъ былъ слышенъ неявственный ропотъ.

Надъ скалой загорѣлась краснымъ свѣтомъ звѣзда, отразилась багрянцемъ въ заливѣ, упала тонкимъ лучомъ на шипъ дикихъ розъ и кровинкой казалась въ пiонѣ.

И вздрогнула тѣнь Анастаса, опустила свой мечъ; скатилась съ пiона кровинка; взвилась бѣлая чайка съ утеса, понеслась надъ горой: видно откроются двери Ѳулской тюрьмы.

Зажглась въ небесахъ звѣздная сѣть, бѣлымъ свѣтомъ обвила луна Карадагъ, одѣлась гора въ ризу блеска отъ отсвѣта звѣздъ.

Заискрилось море миллiономъ огней.

По зыби морской, отъ развалинъ старинняго храма, развернулся коверъ бриллiантовъ и надъ нимъ хороводъ свѣтлыхъ душъ, въ прозрачномъ вѣнцѣ облаковъ, пѣлъ пасхальный канонъ:

— Христосъ анэсти!

На мгновеніе мелькнулъ въ уходящей дали Стефановъ корабль и оттуда, гдѣ онъ исчезъ, понесся волной тихій пасхальный звонъ.

Радость свѣтлаго дня доносилъ тихій звонъ до земли; перекатами эха былъ подхваченъ въ горахъ Карадага, перекинутъ на сѣверъ неясной мечтой; у костра пробудилъ рыбаковъ.

И исчезъ міръ видѣній.

„ЧЕРШАМБЕ"

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Бѣдный Сеитъ-Яя. Я помню его доброе лицо въ глубокихъ морщинахъ, сѣдѣющую бороду, сгорбленный станъ и необыкновенную худобу, и какъ онъ подзывалъ, бывало, меня, когда я проходилъ, мальчикомъ, мимо его сада, чтобы выбрать мнѣ самый крупный бузурганъ или спѣлую сладкую рябину.

— Ничего, кушай.

И начиналъ напѣвать свою грустную пѣсенку—Чершамбе-Чершамбе.

Всѣ знали эту Чершамбе и отчего поетъ ее Сеитъ-Яя, бѣдный Сеитъ-Яя, который давно уже не въ своемъ умѣ.

Не помнили, когда пришелъ Сеитъ-Яя въ деревню. Говорили только, что еще тогда замѣчали за нимъ странное.

Трудно было найти, кто бы лучше его сдѣлалъ прищепъ, положилъ катавлактъ, посадилъ чубуки.

Онъ былъ всегда въ работѣ, рѣдко заходилъ въ кофейню, казался тихимъ, безобиднымъ. Но кто ближе былъ къ нему, хорошо зналъ, какъ умѣетъ Сеитъ-Яя подмѣтить все смѣшное, и потому многіе не любили его.

Вспоминали, какъ срамилъ онъ почтеннаго Пурамета, который, когда выходилъ изъ дому, всегда трогалъ уголъ:—Тронь два раза на всякій случай.

Отворачивался сотскій Аблязъ, когда встрѣчалъ Сеитъ-Яя, потому что, когда умерла его тетка, онъ разсказалъ въ кофейнѣ, какъ выли наканунѣ на верхней деревнѣ собаки. Всѣ знали, что это бываетъ, но Сеитъ-Яя сказалъ громко:

— Умнаго въ сотскіе выбрали!

У Муртазы пала лошадь. Поздравляли Муртазу. Народъ вѣритъ, что пожалѣлъ Аллахъ человѣка, если вмѣсто него взялъ лошадь. Ворчалъ Сеитъ-Яя:

— Мало у Аллаха дѣла, чтобъ заниматься вашими дѣлами. Скоро бублики печь вамъ будетъ.

Качалъ головою мулла:

— Плохо Сеитъ-Яя кончитъ, не знаетъ языкъ, что болтаетъ.

И назвалъ его дурнемъ, когда услышалъ, что посмѣялся Сеитъ-Яя надъ пятницей.

Въ пятницу шли пожилые въ мечеть и позвали съ собою Сеитъ-Яя. Усмѣхнулся Сеитъ-Яя.

— Идите, идите, я въ среду приду.

— Плохо его дѣло,—сказали старики,—видно, Аллахъ отнялъ у него разумъ. Дурень Сеитъ-Яя.

И стали люди, кто сторониться, кто потѣшаться надъ нимъ и никто не хотѣлъ отдавать свою дочь за него замужъ.

А время пришло Сеитъ-Яѣ жениться, и многiе замѣтили, что сталъ тосковать онъ.

Замѣтила это и хозяйка, у которой Сеитъ-Яя служилъ въ работникахъ, и рѣшила посватать одну вдовушку изъ казанскихъ.

Не любятъ наши татары чужихъ. У тѣхъ дѣвушки ходятъ открытыми, не стыдятся разговаривать съ мужчинами, городское платье начинаютъ носить.

Но Сеитъ-Яя согласился.—Хотя и казанская, а женщина. Большой огурецъ, малый огурецъ—все огурецъ.

— Сватай,—сказалъ онъ хозяйкѣ, и вечеромъ пошелъ къ дому, гдѣ жила вдовушка.

Сидѣла вдовушка на порогѣ и жевала мастику. Посмотрѣлъ на нее изъ-подъ рукава Сеитъ-Яя.

— Хороша, жаль, что не закрывается. Спокойнѣй было бы.

Постоялъ еще, облокотившись о косякъ.

— Когда будетъ ночь, приходи въ хозяйкинъ садъ.

Присвистнулъ и ушелъ къ себѣ.

Не спалъ въ эту ночь Сеитъ-Яя, не спала и вдовушка. Ворочалась на войлокѣ, вздыхала; ястыкъ жаркой казалась. И когда смолкли голоса на деревнѣ, накинула платокъ и пошла подъ орѣшину.

Подъ орѣшиной свадьбу можно устроить, не то что маленькой женщинѣ спрятаться; однако скоро нашелъ ее Сеитъ-Яя.

— Буду тебя сватать, пойдешь за меня?

Колебалась отвѣтить. Пожалуй, люди засмѣютъ, пошла замужъ за дурня.

Но Сеитъ-Яя умѣлъ хорошо ласкать; къ тому же принесъ цѣлый платокъ сладкой, съ орѣхомъ, баклавы и не боялся шепнуть на ухо стыдное слово.

И согласилась вдовушка.

— Пойду.

Веселымъ сталъ Сеитъ-Яя, двойную работу хозяйкѣ дѣлалъ. И думала хозяйка:

— Навѣрно, поладилъ.

А по пятницамъ, когда всѣ татары отдыхали, устраивалъ свое хозяйство; складывалъ соба на дворѣ, чтобы печь хлѣбъ; мастерилъ сарайчикъ для коровы.

— Сѣно гдѣ возьмешь?—спрашивала хозяйка.

— Накошу на Юланчикѣ.

Дивилась хозяйка:

— Да ты въ умѣ ли?

Потому что всѣ знали, какое мѣсто Юланчикъ. Не даромъ люди назвали его Змѣинымъ гнѣздомъ. Въ камышахъ жила змѣя, которая, свернувшись, казалась, копной сѣна, а когда шла полемъ, дѣлала десять колѣнъ и больше. Правда, убили ее янычары. Акмелизскій ханъ выписалъ ихъ изъ Стамбула. Но остались отъ нея дѣтеныши. Потому, что когда принесли въ деревню голову убитой, то она, какъ балахуръ-сипетъ, кишѣла змѣенышами. И, когда перепуганные люди разбѣжались въ стороны, полетѣли змѣеныши въ свое гнѣздо и обратились въ джиновъ. Таракташскій джинджи видѣлъ ихъ въ пьяномъ хороводѣ.

И никто не ходилъ на Юланчикъ.

Но Сеитъ-Яя не боялся.

— Это люди все объ Юланчикѣ выдумали. Никакихъ джиновъ нѣтъ и шайтана нѣтъ, можетъ, ничего нѣтъ.

— Тогда коси себѣ, дурень.

И пошелъ Сеитъ-Яя на Юланчикъ.

Оттого, что не ходили люди туда, стояла трава по поясъ, а изъ-подъ косы выскакивали зайцы, выпархивали птицы.

— Накошу сѣна, приду охотиться, подумалъ Сеитъ-Яя. И только подумалъ, какъ увидѣлъ черезъ балку на бугрѣ черную собаку съ хвостомъ вверхъ.

Завыла собака. Передразнилъ ее Сеитъ-Яя.

— Вой, вой, я тоже умѣю.

И не увидѣлъ ее больше. Но нашла черная туча, закрыла солнце, погнала по землѣ сѣрую тѣнь.

Сеитъ-Яя рѣшилъ отдохнуть и прилегъ подъ дикой грушей.

— На полъ-зимы накосилъ; зайцевъ набью—шубу женѣ сдѣлаю; дичи набью—хозяйкѣ отнесу; хозяйка свадьбу поможетъ справить.

И заснулъ Сеитъ-Яя, не слышалъ, какъ налетѣлъ изъ Бариколя пыльный вихрь, какъ закрутилъ скошенную траву, какъ завылъ голодною собакой. Показалось только ему, что вдали играетъ музыка.

Открылъ глаза и застылъ отъ ужаса.

Летѣла на него козлиная свадьба. Впереди три горбатыхъ козла, съ человѣчьимъ лицомъ, дудѣли на камышевыхъ дудкахъ; за ними старый козелъ съ вывернутыми рогами билъ въ думбало коровьей ногой. Цѣлымъ стадомъ скакали черные козлы и среди нихъ на верблюдѣ сидѣла-вертѣлась, съ бубномъ въ рукѣ, его невѣста. Хотѣлъ броситься къ ней Сеитъ-Яя, но замѣтила она это и скрылась въ горбъ верблюда. И завизжали, запрыгали по всему камышу голые цыплята, и почернѣло отъ нихъ окрестное поле, и понеслась свадьба дальше.

Помутилось въ глазахъ Сеитъ-Яи. Вспоминалъ онъ потомъ только, что позади всѣхъ бѣжалъ горбатый уродъ, кланялся ему и кричалъ оборачиваясь:

— Чершамбе, чершамбе!..

Прибѣжалъ обезумѣвшій Сеитъ-Яя въ деревню и не нашелъ своей невѣсты. Ушла куда-то и больше не возвращалась.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ жилъ послѣ того Сеитъ-Яя въ хозяйкиномъ саду и только по пятницамъ приходилъ въ деревню спросить, не видѣли ли его невѣсты; подходилъ къ мечети и ждалъ, когда выйдетъ мулла. Въ плохой одежонкѣ, скорбный и исхудалый, Сеитъ-Яя становился передъ нимъ на колѣни и молилъ:

— Сдѣлай такъ, чтобы пятница средой была, тогда найду невѣсту. Вѣдь горбатый джинъ на свадьбѣ кричалъ: чершамбе, чершамбе.

И, возвращаясь къ вечеру въ свой садъ, грустный и сгорбившійся, Сеитъ-Яя глухимъ голосомъ напѣвалъ свою печальную пѣсенку:

— Чершамбе, Чершамбе.

КУРБАНЪ-КАЯ— ЖЕРТВЕННАЯ СКАЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

По долинѣ отовсюду видна эта скала. Она отвернулась отъ деревни и склонилась къ старокрымскому лѣсу. Точно задумалась.

А если подойти къ ней на восходѣ солнца съ той стороны, станетъ видно, какъ на скалу взбирается огромный человѣкъ, одной рукой ухватился за ея вершину, а другой упирается въ расщелину, и весь прижался къ сѣрому камню, чтобы не свалиться въ пропасть.

Говорятъ,—то окаменѣлый пастухъ, чабанъ.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ.

Когда наступаетъ праздникъ жертвъ, Курбанъ-байрамъ, наши старики смотрятъ на Курбанъ-кая и вспоминаютъ о чабанѣ.

Чабановъ прежде много было; каждый зажиточный татаринъ имѣлъ свою атару. Только лучше Муслядиновой не было въ долинѣ, потому что чабаномъ у Муслядина былъ Усеинъ, а такого чабана не знали другого. Зналъ чабанъ Усеинъ каждую тропинку въ горахъ, каждую прогалину въ лѣсу, каждый ключъ въ лощинѣ.

И Муслядинъ былъ такъ доволенъ имъ, что обѣщалъ ему свою дочь.

Но Эмнэ была одна у Муслядина, а, когда имѣешь одну дочь, чего не сдѣлаешь для нея.

Въ сердцѣ же Эмнэ жилъ давно другой, молодой Рефеджанъ, Арыкъ-Рефеджанъ, какъ звали его въ деревнѣ за тонкій станъ.

Узналъ объ этомъ чабанъ Усеинъ, озлобился на Рефеджана, а черезъ недѣлю такъ случилось, что упалъ Рефеджанъ со скалы и убился на мѣстѣ.

Насталъ Курбанъ-байрамъ, принесъ чабанъ Усеинъ хозяину жертвеннаго барана и, когда сказали ему, что убился Рефеджанъ, усмѣхнулся только.

— Каждому своя судьба.

И когда зарѣзалъ курбана, омылъ въ его крови руки, усмѣхнулся еще разъ.

— Отъ отцовъ дошло: кто самъ упадетъ, тотъ не плачетъ.

Понравилось мудрое слово Муслядину и подмигнулъ онъ чабану, когда проходила по двору Эмнэ.

Тогда послалъ чабанъ старуху, которая жила въ домѣ, поговорить съ Эмнэ.

— Хочетъ, чтобы ты полѣзъ на ту скалу, гдѣ убился Рефеджанъ. Взлѣзешь,— пойдетъ за тебя, сказала старуха.

Почесалъ голову Муслядинъ.

— Никто туда не могъ взлѣзть.

— А я взлѣзу.

— Хвастаешь.

Обидѣлся чабанъ Усеинъ и поклялся:

— Если не взлѣзу, пусть самъ стану скалой.

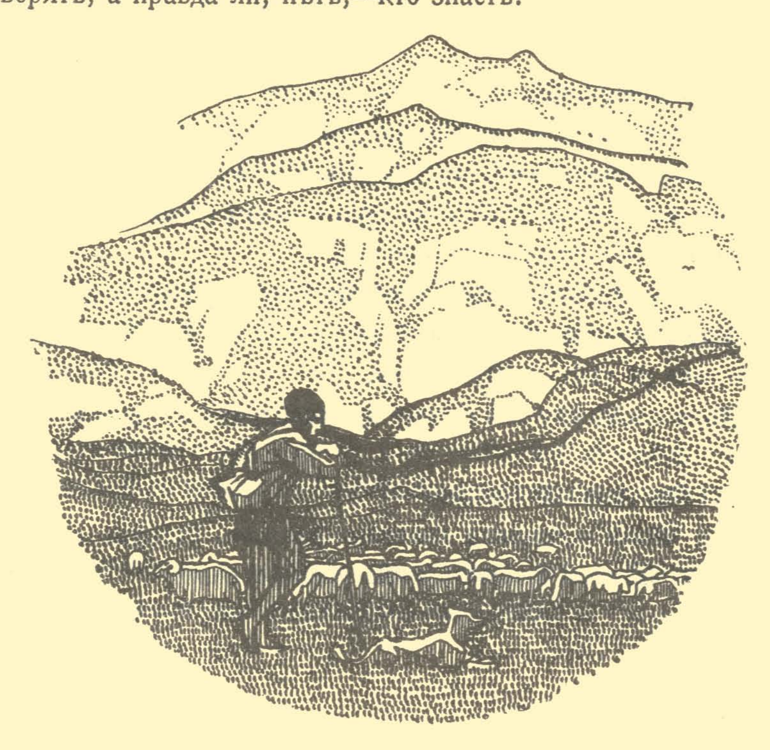
И видѣла Эмнэ, какъ на закатѣ солнца сталъ взбираться чабанъ по скалѣ, какъ долѣзъ почти до самой вершины и какъ вдругъ оборвался отъ нея огромный камень и въ пыльной тучѣ покатился внизъ.

Пошли люди туда, думали разбился чабанъ, но не нашли его, а когда на восходѣ солнца пришли снова, то увидѣли чабана, обратившагося въ огромный камень.

Говорятъ, когда долѣзъ чабанъ до вершины скалы, то увидѣлъ тѣнь Рефеджана и окаменѣлъ отъ страха.

И сказали наши татары, что на Курбанъ-байрамъ принесъ чабанъ самъ себя въ жертву Аллаху, и назвали скалу—Жертвенной скалой, Курбанъ-кая.

Такъ говорятъ, а правда ли, нѣтъ,—кто знаетъ!

АНТАРАМЪ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Когда Седракъ-начальникъ, Седракъ-Бахръ-башъ, рѣшилъ жениться, всѣ говорили: не будетъ толку. Человѣку за шестьдесятъ, а невѣста не поднимала еще глазъ на мужчину. И жалѣли Антарамъ.

Но Седракъ-начальникъ нашелъ горный цвѣтокъ, лучше котораго не видѣлъ, и не хотѣлъ, чтобы онъ достался другому.

А что рѣшалъ Седракъ-начальникъ, отъ того никогда не отступалъ.

И Седракъ-начальникъ женился на Антарамъ.

Чалкинцы поздравляли:

— Послалъ Богъ счастье.

Но между собой говорили:

— Запретъ старикъ бѣдную Антарамъ. Къ чему и богатство!

И заперъ Седракъ-начальникъ молодую жену въ своемъ чалкинскомъ балатѣ, гдѣ били фонтаны и ломились подъ тяжестью плодовъ фруктовыя деревья, но куда никто не проникалъ кромѣ старухъ и стариковъ.

Такъ не видѣли чалкинцы Антарамъ цѣлый годъ, а когда увидѣли на праздникѣ Сурпъ-хача въ Эскикрымскомъ монастырѣ, не узнали ее. Не улыбалась больше Антарамъ и стала похожа на святую Шушанику.

Благословилъ ее послѣ службы старый архимандритъ и, такъ, чтобы не услышали другіе, сказалъ:

— Не грусти. Все въ волѣ Божіей.

И избралъ ее, чтобы раздавала награды борцамъ, которые пришли изъ Эски-Крыма, Карадага и Чалковъ показать свою удаль и силу.

Узнали борцы, кто будетъ раздавать награды, и въ кругу собравшагося народа началась борьба молодежи, какой давно не видѣли.

Не жалѣли себя молодцы. Какъ тигры бросались другъ на друга, и напряженные мускулы ихъ казались выкованными изъ желѣза.

Особенно восхищалъ всѣхъ Георгій изъ Чалковъ. Онъ въ мигъ укладывалъ на землю неопытнаго противника и, поднявъ его на вытянутыхъ рукахъ, держалъ долго надъ головой.

Загорѣлись глаза у Антарамъ и отдала она ему первую награду—арабскій диргемъ и шелковую ткань для праздничнаго наряда. Преклонился предъ нею Георгій и чуть слышно вымолвилъ:

— Имисъ окисъ, сердце мое!

Кивнулъ на поклонъ небрежно головой Седракъ-начальникъ, отплюнулся въ сторону.

— Молодость только и годится, чтобы хвастать своими мускулами, оттого, что не чѣмъ больше.

И поспѣшилъ увезти Антарамъ въ свои Чалки.

Потянулся второй годъ хуже перваго. Тосковала Антарамъ, и отъ тоски стала еще прекраснѣе.

Мускусъ бронзоваго тѣла ея пьянилъ старика, а тѣни думки на лицѣ затемняли у него разсудокъ.

Жизнь бы отдалъ за нее Седракъ-начальникъ, умеръ бы, обнявъ ея колѣни, и мучилъ ее безъ конца безумной ревностью, и ненавидѣлъ всѣхъ людей, на которыхъ она могла посмотрѣть.

Чтобы не оставлять жены безъ себя, онъ рѣдко выходилъ изъ балата и оттого казался чалкинцемъ еще болѣе неприступнымъ и суровымъ.

И вдругъ дошла вѣсть, что на Кохтебель напали арнауты, вырѣзали армянъ, сожгли церковь, убили священника.

Взволновались Чалки, и всѣ, кто могъ, стали отправлять женъ и дѣтей въ дальнія деревни. Пришлось и Седраку-начальнику разстаться съ Антарамъ. Окруживъ всадниками, онъ отправилъ ее къ старому другу, въ котораго вѣрилъ, и сталъ ждать вѣстей.

Писала Антарамъ. Но письма не глаза,—не прочтешь въ нихъ, что прочтешь въ глазахъ.

И мучился Седракъ-начальникъ отъ ревности еще больше, чѣмъ прежде. Перемѣнилъ людей при Антарамъ, послалъ старуху слѣдить, съ кѣмъ она больше говоритъ, на кого охотно смотритъ.

Вернулась старуха.

— Напрасно оставилъ при ней Георгія. Самъ себѣ бѣду дѣлаешь.

Въ ту же ночь полетѣлъ гонецъ за Георгіемъ, а на утро прибылъ Георгій съ письмомъ отъ Антарамъ.

Прочелъ Седракъ-начальникъ письмо и сталъ бѣлѣе стѣны. Въ первый разъ упрекала его Антарамъ, въ первый разъ жаловалась на судьбу.

— Зачѣмъ не вѣришь людямъ, зачѣмъ отозвалъ Георгія? Онъ самый вѣрный слуга. Зачѣмъ обидѣлъ меня?

Сверкнулъ злобой косой глазъ Седрака-начальника, и приказалъ онъ Георгію отвезти письмо въ станъ арнаутовъ. Зналъ—чѣмъ кончится дѣло.

И вернулъ Антарамъ въ Чалки.

Не посмотрѣлъ на нее, когда она вошла въ домъ; заперъ въ глухую башню, а ключъ швырнулъ въ пропасть.

— Теперь люби своего Георгія.

И цѣлыя ночи неслись стоны изъ башни, и рвалъ сѣдые волосы Седракъ-начальникъ, и боялись люди подходить къ нему.

А на третью ночь затихли стоны и показалось Седраку-начальнику, что подошла къ нему тѣнь Антарамъ и стала гладить его больную голову.

— Я умерла,—шептала тѣнь,—и скоро уйду отсюда, и пришла къ тебѣ только, чтобы успокоить тебя. Антарамъ не измѣнила тебѣ и, когда другіе люди не любили тебя, Антарамъ берегла твою старость. Хотѣлъ Георгій убить тебя, Антарамъ сказала: Искупи грѣхъ своей мысли. Если любишь, отдашь жизнь за него. И поклялся Георгій сдѣлать такъ. Невинна Антарамъ. Клялась она быть вѣрной тебѣ, такой и умерла.

Бросился Седракъ-начальникъ къ башнѣ, разбудилъ людей, велѣлъ взломать двери.

Вбѣжали люди въ башню и увидѣли Антарамъ мертвой.

Три дня не пилъ и не ѣлъ Седракъ-начальникъ, стоялъ у остывшаго тѣла; самъ положилъ его въ могилу, самъ засыпалъ землею и своими руками построилъ часовню на могилѣ, хотя и не былъ каменщикомъ. А когда окончилъ работу, тутъ же и умеръ.

И была на часовнѣ высѣчена надпись:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости Седракъ. Замучилъ бѣдную напрасно. Господи, прости ему тяжкій грѣхъ».

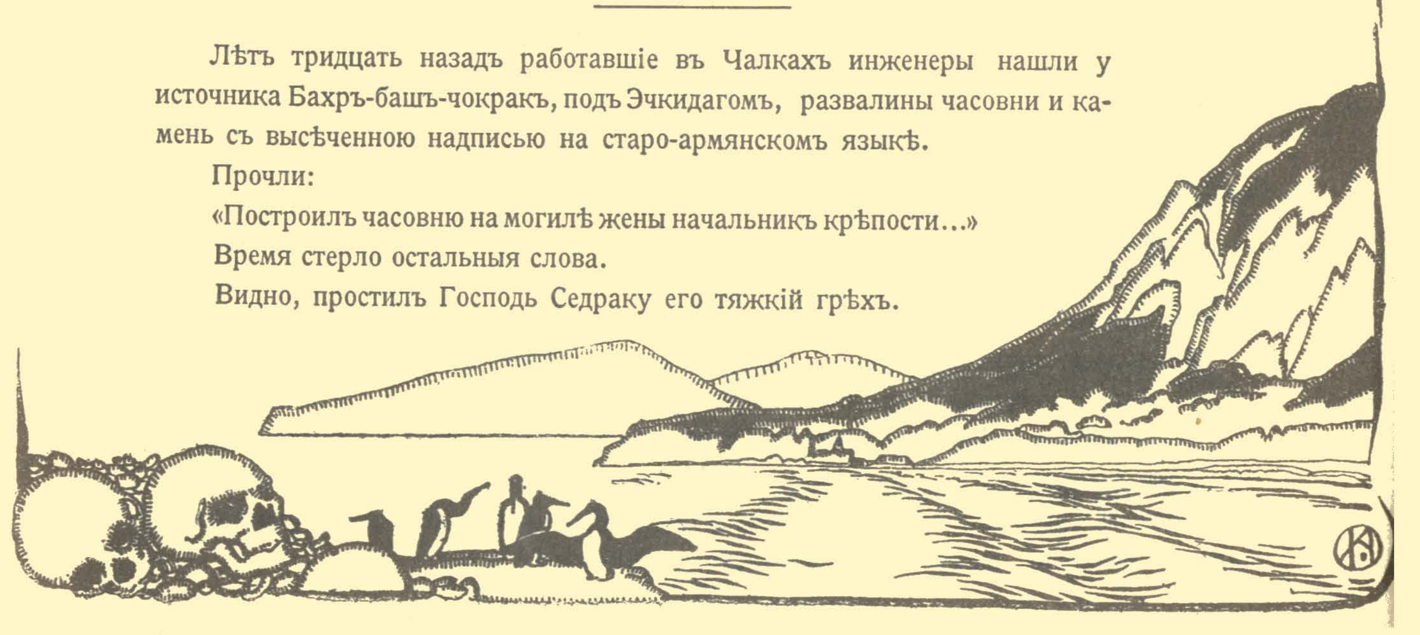
Лѣтъ тридцать назадъ работавшіе въ Чалкахъ инженеры нашли у источника Бахръ-башъ-чокракъ, подъ Эчкидагомъ, развалины часовни и камень съ высѣченною надписью на старо-армянскомъ языкѣ.

Прочли:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости...»

Время стерло остальныя слова.

Видно, простилъ Господь Седраку его тяжкій грѣхъ.

«ДЕЛИКЛИ-КАЯ».

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Развѣ есть на свѣтѣ черешня вкуснѣе козской и гдѣ найдется сари-армутъ болѣе нѣжный и сочный!

Въ Крыму не встрѣтишь тоньше стана у юноши, и не знаютъ другія земли дѣвушекъ, которыя умѣютъ ходить такъ легко, какъ козскія, по скаламъ и обрывамъ.

Смотритъ посѣдѣвшій Эльтигенъ на дѣтей долины, на солнечномъ лучѣ любуется ими, а когда къ вечеру, побѣжитъ отъ горъ къ деревнѣ синяя тѣнь, прислушивается къ голосу стариковъ, которые собираются посидѣть у кофейни.

— Лучше прежде было.

— Лучше было,—твердитъ девяностолѣтній Муслядинъ, сидя на корточкахъ рядомъ съ имамомъ.

— Когда нужно дождь былъ; когда не нужно—не былъ; червякъ листъ не ѣлъ; пчелы—да были, козы—да были; двѣ пары буйволовъ у каждаго было. Хорошо было.

Слушаютъ Муслядина козскіе татары и вздыхаютъ.

— Прежде лучше было.

Въ наступившихъ сумеркахъ вспыхиваютъ тамъ и сямъ огоньки у курящихъ, и бѣлесоватые клубы табачнаго дыма застилаютъ по временамъ сосредоточенныя, серьезныя лица.

— Воды много было, замѣчаетъ кто-то.

— А?—не слышитъ его Муслядинъ.

— Дыры въ Деликли-кая, говоришь, не было. Не было, не было. Потомъ сдѣлалась, когда Кызъ-буллаги открылся.

— Говори,—проситъ кефеджи, наклоняясь къ самому уху старика.—Люди слушать хотятъ.

Сдвигаетъ Муслядинъ на затылокъ тяжелую барашковую шапку, чтобы облегчить шишку, которая выросла надъ ухомъ, какъ арбузъ на баштанѣ.

Сверху, по шоссе надъ деревней, у Деликли-кая, звенитъ почтовый колокольчикъ.

Затихъ колокольчикъ, точно, чтобы не мѣшать Муслядину вести свой разсказъ.

— Ну?

Слушали его не разъ деревенскіе и все же хотятъ послушать. Хочется слушать о чудесномъ въ этотъ тихій, лѣтній вечеръ, когда сошла на землю прохлада, а загорѣвшіяся на глубокомъ небѣ безъ числа звѣзды отвлекаютъ мысль отъ заботъ трудового дня.

Не торопясь, съ остановками, покуривая изъ длинной черешневой трубки, говоритъ Муслядинъ о томъ, что слышалъ отъ отца и дѣда.

Задумываются слушатели; увелъ ихъ Муслядинъ въ какой-то другой міръ, и въ воображеніи ихъ незамѣтно оживаютъ три сѣрыя скалы Эльтигена. Чудится, что въ средней изъ нихъ, Деликли-кая, нѣтъ больше сквозной щели, и живутъ въ ней попрежнему три сказочныхъ духа. И каждый поетъ свою пѣсню, а людямъ кажется, что шумитъ гора. Если гулко—ждутъ дождя, если стонетъ—бури. Предупреждаютъ духи людей, потому что, какъ въ давнія времена, любятъ свою деревню.

Тогда прислушивались люди къ голосу ихъ и чтили своихъ покровителей.

Тогда духи приходили къ людямъ и любили ихъ. Отъ любви росло блаженство духа, передавалось сердцу человѣка. Добрѣе дѣлались люди.

Звенитъ снова почтовый колокольчикъ у Деликли-кая и, оторвавъ на минуту слушателей отъ міра грезъ, замираетъ гдѣ-то въ лѣсной чащѣ.

Когда самому хорошо, хочешь, чтобы было и всѣмъ хорошо. Такъ устроена душа. И въ былое время козскіе люди не пропускали нищаго и странника, чтобы не пріютить и не накормить его. А когда уходили внизъ, въ сады, на работу, оставляли когонибудь, чтобы было кому принять прохожаго.

И вотъ разъ ушли всѣ на работу; остались старухи и мальчуганы, да три дѣвушки, которыя спѣшили шить приданое, чтобы было готово къ мѣсяцу свадебъ.

Было жарко и дѣвушки, захвативъ работу, ушли въ лѣсъ искать прохлады. Притихъ Эльтигенъ. Покинули духи свои скалы, и, обратившись въ нищихъ, подошли къ дѣвушкамъ.

Увидѣли дѣвушки слѣпого, хромого и горбатаго, поклонились имъ.

— Если голодны,—накормимъ васъ.

Подъ широкимъ дубомъ, который стоитъ и теперь, развязали узелки съ таранью, чеснокомъ и лепешками и стали угощать бѣдняковъ.

— Кушайте.

Ѣли нищіе, благодарили, а когда кончили,—въ узелкахъ не стало меньше.

— Кушайте хорошенько,—говорили дѣвушки,—и отдали нищимъ желтые сариармуты, которые оставили было для себя.

Улыбнулись странники.

— Великъ Аллахъ въ своихъ твореніяхъ. Да исполнитъ сердце ваше радостью,

И спросили дѣвушекъ,—нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо тайныхъ желаній. Задуманное въ хорошую минуту можетъ исполниться.

— Подумайте.

Посмѣялись между собою дѣвушки, и одна сказала:

— Хотѣлось бы скорѣе дошить свое приданое.

— Вернешься домой и увидишь, что сбылось твое желаніе,—улыбнулся горбатый.

— А я бы,—захохотала другая,—хотѣла, чтобы бабушка на меня не ворчала.

— И это устроится,—кивнулъ головой хромой.

— Ну, а ты?—спросилъ слѣпой третью.

— Ты что бы хотѣла?

Задумалась третья.

— Все равно не сдѣлаешь.

— Скажи все-таки.

И сказала дѣвушка:

— Хотѣла бы, чтобы въ горѣ открылся источникъ, чтобы бѣжала въ деревню холодная ключевая вода; чтобы путникъ, испивъ воды, забывалъ усталость, а наши деревенскіе, когда настанутъ жары, освѣжаясь въ источникѣ, славили милость Аллаха.

— Ну, а для себя чего хотѣла бы?—спросилъ слѣпой.

— А мнѣ, мнѣ ничего не надо. Все есть.

Открылъ отъ удивленія глаза слѣпой и отразились въ нихъ глаза голубого неба.

— Скажи имя твое.

— Феррахъ-ханымъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Случится такъ, какъ пожелала, и имя твое долго будетъ помнить народъ.

Повернулся слѣпой къ Деликли-кая, высоко поднялъ свой посохъ и ударилъ имъ по утесу.

Съ громомъ треснула Деликли-кая, дождемъ посыпались каменныя глыбы, темнымъ облакомъ окуталась гора. А когда разошлось облако, увидѣли въ ней сквозную щель и услышали, какъ вблизи зашумѣлъ падающій со скалы горный потокъ.

Добѣжали первыя капли ручья до ногъ Феррахъ-ханымъ и омыли ихъ.

А нищіе исчезли, и поняли дѣвушки, кто были они.

Сбылось слово нищаго. Народъ долго помнилъ Феррахъ-ханымъ, и когда она умерла, могилу ея огородили каменной стѣной.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ Муслядинъ еще видѣлъ развалины этой стѣны и читалъ арабскую надпись на камнѣ.

— Не прилѣпляйся къ міру, онъ не вѣченъ, одинъ Аллахъ всегда живъ и вѣченъ.

Уже давно замолчалъ старый Муслядинъ, а никому изъ слушателей не хотѣлось уходить изъ міра сказки жизни.

Поднялся, кряхтя, Муслядинъ, чтобы итти домой.

— Пора.

Поднялся и имамъ.

— Шумитъ Деликли-кая. Можетъ быть, дождь будетъ.

— Нуженъ дождь, воды нѣтъ,—замѣтилъ кефеджи.

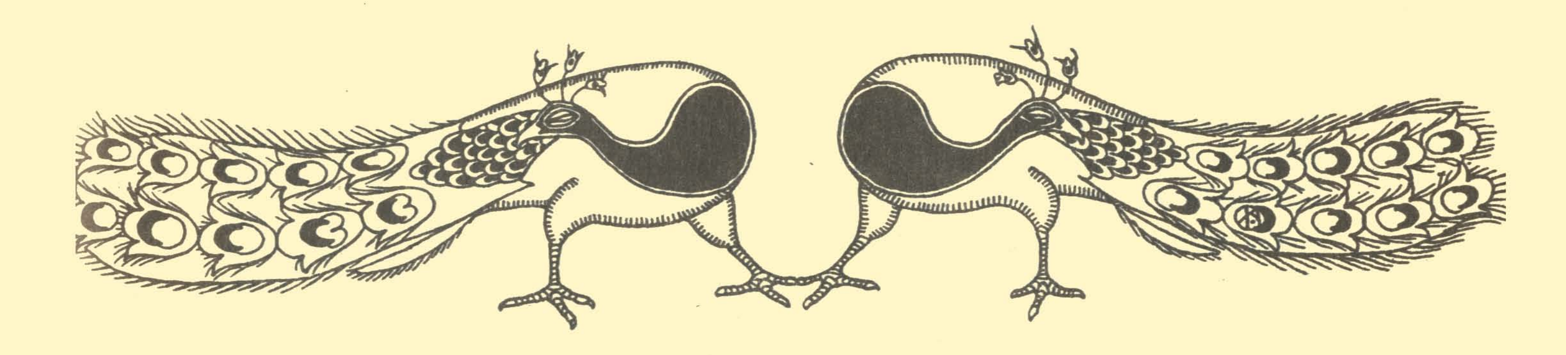
— Нуженъ, нуженъ,—поддержали его, поднимаясь татары.

— Опять Феррахъ-ханымъ нужна,—улыбнулся молодой учитель.

Но на него строго посмотрѣли старики.

— Когда Феррахъ-ханымъ была—было много воды; теперь мало стало, хуже люди стали, хуже дѣвушки стали. Когда дурными станутъ—совсѣмъ высохнетъ Кызларъ-хамамы.

ПОХОДЪ БРАВЛИНА.

(СУРОЖСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Въ нашихъ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, минеяхъ и торжественникахъ встрѣчается разсказъ, какъ, вскорѣ по кончинѣ св. Стефана Сурожскаго, стало быть въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка,—на Сурожъ, теперешній Судакъ, напалъ русскій князь Бравлинъ. Онъ пришелъ изъ Новгорода, и, прежде чѣмъ осадить Сурожъ, опустошилъ все побережье Чернаго моря, отъ Корсуня до Керчи. Десять дней продолжалась осада Сурожа, но на одиннадцатый, когда удалось взломать Желѣзныя ворота, городъ палъ и былъ преданъ грабежу. Съ мечомъ въ рукѣ, самъ Бравлинъ бросился къ св. Софіи, гдѣ покоились въ драгоцѣнной ракѣ мощи святого Стефана, разсѣкъ двери храма и захватилъ его сокровища. Но тутъ случилось чудо. У раки святого постигъ князя параличъ. Понявъ кару свыше, Бравлинъ вернулъ храму все захваченное, и, когда это не помогло, приказалъ своимъ воинамъ очистить городъ, отдать святому Стефану всю награбленную въ Крыму церковную утварь и, наконецъ, рѣшилъ креститься. Пріемникъ святого Стефана архіепископъ Филаретъ, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства, тутъ же совершилъ крещеніе князя, а затѣмъ и его бояръ. Послѣ этого Бравлинъ почувствовалъ облегченіе, но полное исцѣленіе получилъ лишь, когда, по совѣту духовенства, далъ обѣтъ освободить всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ на крымскомъ побережьѣ. Внеся богатый вкладъ святому Стефану и почтивъ своимъ привѣтомъ мѣстное населеніе, князь Бравлинъ удалился изъ Сурожскихъ предѣловъ.

Таково содержаніе легенды, которая представляетъ для насъ, русскихъ, несомнѣнный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сурожская легенда говоритъ объ историческомъ фактѣ, неизвѣстномъ намъ ни по лѣтописи, ни по другимъ источникамъ. Она называетъ имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія, устанавливаетъ приблизительную дату событія, и всѣмъ этимъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху, на полстолѣтія пред-

шествующую той, съ которой мы привыкли связывать выступленіе русскихъ на историческую арену.

Самъ по себѣ фактъ отвѣчаетъ возможностямъ времени. Нынѣ окончательно установлено, что походъ русскихъ на Царьградъ временъ Аскольда и Дира, отнесенный лѣтописью къ 866-му году, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности въ 860-мъ году, т.-е. ранѣе офиціальной даты бытія Руси. Но если въ половинѣ девятаго вѣка могъ быть совершонъ морской походъ на дальній Царьградъ, то мысль о болѣе раннихъ походахъ на болѣе близкія крымскія колоніи напрашивается сама собой.

Пусть передъ нами только легенда, носящая яркую религіозную окраску, но если ея показанія не противорѣчатъ исторической обстановкѣ, то нѣтъ основаній отвергать иллюстрируемый ею фактъ. Вѣдь, какъ показалъ недавно обнародованный отрывокъ изъ житія Василія Новаго, самыя фантастическія произведенія агіографической литературы передаютъ иногда безусловно точно отчетъ о событіи.

Наша Сурожская легенда связана съ именемъ Стефана Сурожскаго. Св. Стефанъ— лицо историческое и память о немъ закрѣплена минологіемъ *) Василія конца X вѣка. По этому минологію св. Стефанъ пострадалъ за иконы при царѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 г.), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это его подпись дошла до насъ въ протоколѣ пятаго засѣданія на седьмомъ вселенскомъ Никейскомъ соборѣ 787-го года («Стефанъ, недостойный епископъ города Сугдайскаго, охотно принимая все выше описанное, подписался». Сугдею или Сугдаю русскіе называли Сурожемъ).

То обстоятельство, что греческая церковь не празднуетъ памяти этого святого, не должно смущать изслѣдователя, такъ какъ Стефанъ Сурожскій былъ мѣстный святой, и чествованіе его могло не выходить за мѣстные крымскіе предѣлы. А что въ Крыму, и именно въ Сурожѣ, онъ былъ почитаемъ,—доказываетъ Сугдейскій синаксарій XII вѣка, найденный въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ библіотекѣ греческой богословской школы на островѣ Халки (близъ Константинополя).

Въ немъ помѣщено краткое житіе Стефана Сурожскаго и на поляхъ сдѣланы помѣтки послѣдующими обладателями рукописи XIII и XV вѣковъ, помѣтки, относящіяся къ интересамъ и событіямъ мѣстной сурожской жизни. Изъ этихъ помѣтокъ можно заключить, что память св. Стефана праздновалась, какъ у насъ теперь, 15-го декабря, что мощи его покоились въ алтарѣ св. Софіи, и что въ Сурожѣ въ честь его была построена церковь, которую, вмѣстѣ съ св. Софіею, разрушилъ въ 1327-мъ году нѣкій Агачъ Пасли. Уцѣлѣли ли при этомъ мощи св. Стефана и сохранялись ли онѣ послѣ того въ Сурожѣ до времени окончательнаго разгрома города турками, въ концѣ XV вѣка, не выяснено.

Но если мы не знаемъ ни одного подробнаго греческаго житія Стефана Сурожскаго съ приведеніемъ посмертныхъ чудесъ и въ томъ же числѣ чуда съ русскимъ княземъ Бравлинымъ, то такія житія святого въ древнерусской литературѣ XV—XVI вѣка не составляютъ исключенія.

---

*) Мѣсяцесловъ.

Еще въ началѣ XV вѣка въ Москву прибылъ изъ Сурожа Стефанъ Васильевичъ Сурожскій (родоначальникъ Головиныхъ и Третьяковыхъ), и, можетъ быть, онъ-то и завезъ на Русь житіе св. Стефана, какъ остроумно догадывается В. Васильевскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Житіи свв. Георгія Амостридскаго и Стефана Сурожскаго». Вѣроятно, переводомъ на русскій языкъ онъ и популяризировалъ привезенное житіе.

Для успѣха такой популяризаціи почва была вполнѣ подготовлена постоянными торговыми связями русскихъ съ сурожцами. Шелковые сурожскіе товары были въ большомъ ходу, а въ Новгородѣ былъ особый Сурожскій дворъ. Русскіе жили въ Сурожѣ, какъ сурожане на Москвѣ, и имя сурожанина не даромъ запечатлѣно въ нашихъ былинахъ.

Изъ помѣтокъ на поляхъ сурожскаго синаксарія мы знаемъ, что сурожане чествовали память новоявленныхъ русскихъ святыхъ, князей Давида и Романа, тѣмъ понятнѣе было чествованіе на Руси греческаго сурожскаго святого.

Надо думать, что русское житіе Стефана появилось именно въ XV вѣкѣ, а не раньше, такъ какъ въ составъ его вошло заимствованіе изъ житія Петра митрополита, а митрополитъ Петръ умеръ въ началѣ XV вѣка. Такое житіе отъ XV вѣка дошло до насъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 435 и страницы этого сборника, относящіяся къ походу Бравлина, мы приводимъ ниже.

Съ этого же времени на житіе Стефана начинаютъ дѣлаться посылки. Такъ въ жизнеописаніи преп. Дмитрія Прилуцкаго, составленномъ во второй половинѣ XV вѣка, какъ отмѣтилъ В. О. Ключевскій, приведенъ разсказъ изъ Стефанова житія.

Въ XVI вѣкѣ житіе Стефана Сурожскаго разсматривается уже какъ важный историческій документъ, и приведенный въ немъ разсказъ о походѣ князя Бравлина принимается какъ фактъ. Такъ Степенная книга царскаго родословія говоритъ:

«Иже и преже Рюрикова пришествія въ словенскую землю, не худа бяша держава словенскаго языка; воинствоваху бо и тогда на многія страны, на Селунскій градъ и на Херсонь и на прочихъ тамо, якоже свидѣтельствуетъ нѣчто мало отъ части въ чудесѣхъ великомученика Димитрія и святого архіепископа Стефана Сурожскаго».

Однако въ послѣдующее время довѣріе къ исторической цѣнности житія падаетъ, и эпизодъ съ княземъ Бравинымъ не входитъ ни въ печатный прологъ 1642-го года, ни въ Минеи-Четьи Димитрія Ростовскаго. Постепенно легенда о походѣ на Сурожъ ускользаетъ изъ историко-литературнаго кругозора, и забывается настолько основательно, что, только благодаря найденному Востоковымъ одному рукописному сборнику съ легендой, наши историки снова вспомнили о ней съ половины XIX вѣка.

Разбирая и оцѣнивая достовѣрность этой легенды, приходили къ самымъ различнымъ заключеніямъ. Одни принимали, другіе отрицали ее, третьи пріурочивали, сообщаемый въ легендѣ фактъ, къ болѣе позднимъ временамъ. Составилась цѣлая литература предмета. Куникъ и Гедеоновъ, Иловайскій, Макарій, Филаретъ и Порфирій, Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ посвятили легендѣ свои строки. Но особенно обстоятельно, съ полною тщательностью, разобралъ вопросъ В. Васильевскій. Ана-

лизируя матеріалъ, Васильевскій заключаетъ, что русскій излагатель легенды несомнѣнно кое-что добавилъ отъ себя сверхъ того, что было въ греческой рукописи, не той, которая дошла до насъ съ краткимъ житіемъ Стефана, а другой, содержавшей житіе съ посмертными чудесами до насъ не дошедшей. Такъ, приспособляясь къ тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ русскаго общества, онъ внесъ добавленія изъ житій Іоанна Златоуста и Петра Митрополита. Однако авторъ славяно-русской редакціи Стефанова житія въ отношеніи фактической стороны строго держался греческаго источника. Онъ не сдѣлалъ промаха ни въ наименованіи храма, гдѣ почивали мощи, ни въ другихъ случаяхъ и сохранилъ имя Бравлина, не пытаясь даже пояснить русскому читателю это малопонятное для него имя.

Такія попытки впрочемъ дѣлались позднѣе переписчиками русскаго Стефанова житія. Такъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 434—XVI вѣка вмѣсто: *князь Бравлинъ*—написано: *князь бранливъ*. Конечно, если бы въ начальной редакціи стояло *бранливъ*, то это слово, не вызывая недоразумѣній, удержалась бы переписчиками и не перешло въ непонятное имя Бравлина *).

Итакъ, у насъ нѣтъ основанія допускать, что легенда о походѣ Бравлина сочиненена авторомъ русскаго житія Стефана Сурожскаго, а не почерпнута имъ изъ греческаго источника. Если вспомнить, что кромѣ житія св. Стефана въ русскій церковный обиходъ вошла и служба святому съ двумя канонами, что въ одной изъ стихиръ службы Стефанъ величается защитникомъ сурожанъ и хранителемъ града, что тамъ же воспѣвается фактъ, когда нападавшіе на Сурожъ потерпѣли неудачу и посрамленіе и что служба святому была, очевидно, составлена въ Сурожѣ, гдѣ покоились его мощи, гдѣ былъ въ честь его построенъ храмъ и гдѣ праздновалась его память,—то все это только подтверждаетъ, что въ полномъ греческомъ житіи должны были заключаться посмертныя чудеса святого и въ томъ числѣ и чудо съ княземъ Бравлинымъ, напавшимъ на Сурожъ.

Авторъ этого полнаго греческаго житія св. Стефана, вѣроятно, жилъ въ относительно близкое къ нему время, потому что до него дошли всѣ подробности его жизни и народный разсказъ о посмертныхъ чудесахъ, съ сохраненіемъ въ точности именъ и названій, исторически правильныхъ.

И нельзя сомнѣваться, что передавая посмертное чудо съ княземъ Бравлинымъ, онъ имѣлъ въ виду хорошо извѣстный ему историческій, а не вымышленный фактъ нападенія русскихъ на Сурожъ.

На Сурожъ, какъ и на все побережье Крыма, въ тѣ времена не разъ нападали варварскіе отряды, грабили и опустошали богатые берега. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента, историческій характеръ которой не подлежитъ сомнѣнію; а житіе Георгія Амастридскаго, которое дошло до насъ въ греческой рукописи, устанавливаетъ, что нападенія русскихъ на черноморское побережье имѣли мѣсто ранѣе 842 г.

---

*) Къ тому же заключенію приводитъ сопоставленіе текстовъ Торжественниковъ Румянцовскаго Музея № 434 и 435.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что какой-то русскій князь Бравлинъ въ концѣ VIII-го или въ началѣ IX-го вѣка, сдѣлавъ успѣшный набѣгъ на побережье Крыма, дѣйствительно осадилъ и взялъ Сурожъ, и вполнѣ допустимо, что, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своего соприкосновенія съ христіанскимъ міромъ, пріобщился и самъ къ нему.

Кого же авторъ грекъ той эпохи могъ имѣть въ виду подъ именемъ русскихъ или россовъ?

Греческій писатель Х-го вѣка Левъ Діаконъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что императоръ Никифоръ послалъ Калокира къ тавро-скиѳамъ, называемымъ обыкновенно россами, и что Калокиръ, пришедши въ Скиѳію, понравился начальнику тавровъ (Святославу). Надо думать, что и авторъ Стефанова житія, говоря о русскихъ, имѣлъ въ виду тѣхъ же тавро-скиѳовъ, обитавшихъ въ Приднѣпровьѣ, въ Тмутаракани и въ Тавридѣ.

Надъ этими тавро-скиѳскими племенами господствовали хозары, но господство хозаръ было непрочное, такъ что подвластные имъ народы имѣли возможность дѣйствовать въ иныхъ случаяхъ вполнѣ самостоятельно.

Въ 839 году, по словамъ Бертинской лѣтописи, въ Ингельгеймъ къ Людовику Благочестивому прибыли черезъ Константинополь, вмѣстѣ съ послами Императора Феофила, послы отъ имени какого-то Хакана и заявили, что ихъ зовутъ русскими.

Хаканъ? Былъ ли то ихъ прямой государь или хазарскій каганъ—верховный властитель, трудно сказать.

Но и это посольство отчасти говоритъ за то, что сообщаемыя сурожскою легендою свѣдѣнія о походѣ русскаго князя Бравлина на Крымъ и Сурожъ—не выдумка, а исторически вполнѣ допустимый фактъ.

Само непонятное имя Бравлина не носитъ ли вестготскаго отпечатка? (Извѣстенъ, напримѣръ, вестготскій епископъ Брулиненъ).

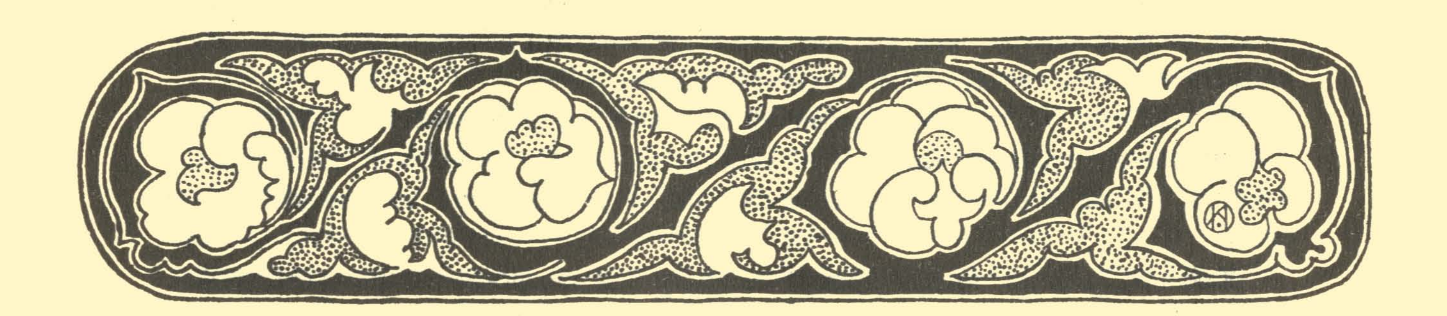
Легенда указываетъ и мѣсто, откуда пришелъ нашъ Бравлинъ; это—Новгородъ. Одни догадываются, что русскій излагатель самъ отъ себя добавилъ въ греческое свѣдѣніе о походѣ названіе русскаго города, гдѣ былъ особый Сурожскій дворъ; другіе допускаютъ, что писатель-грекъ имѣлъ въ виду не русскій Новгородъ, а тотъ Неаполисъ (Новгородъ), который упомянутъ въ декретѣ Діофанта и который находился вблизи нынѣшняго Симферополя.

Мы рѣшили привести сурожскую легенду въ томъ ея освѣщеніи, въ которомъ она представляется современными намъ изслѣдователями, имѣя въ виду, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества легенда эта мало извѣстна и что знакомство съ научными трудами изслѣдователей не всѣмъ доступно.

Память о св. Стефанѣ и доселѣ чтима въ Судакскомъ округѣ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Судака, въ Кизильташскихъ горахъ, ютится монастырь его имени, русскій монастырь пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но монахи увѣряютъ, что монастырь построенъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ во времена, близкія къ Стефану, былъ

построенъ храмъ въ честь этого святого. Имя Стефана распространено и въ русскомъ и въ инородческомъ населенiи общины, но народъ не сохранилъ памяти ни о св. Софiи, гдѣ покоились мощи святого, ни о храмѣ его имени въ Судакѣ; остались памятны лишь Желѣзныя ворота. Неподалеку отъ нѣмецкой колонiи, въ сторону Новаго свѣта, выходъ изъ ущелья и досёлѣ носитъ имя желѣзныхъ воротъ, а вблизи можно найти остатки старинныхъ построекъ.

Не здѣсь ли нужно предположить мѣстоположенiе Сурожа временъ св. Стефана и похода на Сурожъ русскаго князя Бравлина?

ПОЯСНЕНІЯ КЪ ЛЕГЕНДАМЪ.

ГЮЛЯШЪ-ХАНЫМЪ—ГОСПОЖА ГЮЛЯШЪ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Легенда относится къ тому времени, когда побережье Крыма отъ Судака до Балаклавы находилось въ рукахъ грековъ, а вся степная часть полуострова—во власти татаръ, т.-е. ко времени послѣ первой половины XIII вѣка, времени вторженія въ Крымъ татаръ. Въ этотъ періодъ, до утвержденія династіи Гираевъ (въ первой половинѣ XV вѣка) главнымъ центромъ татарскаго владычества въ Тавридѣ былъ городъ *Солгатъ*, теперешній Старый-Крымъ. Отсюда, напримѣръ, золотоордынскіе ханы вели сношенія съ египетскомамелюкскимъ султаномъ. Памятникомъ такихъ сношеній явилась мечеть, построенная султаномъ *Бейбарсомъ* (1281—1288 г.). «Уроженецъ Кипчака, египетскій султанъ Бибарсъ, желая увѣковѣчить свое имя и прославить мѣсто своего рожденія, построилъ великолѣпную мечеть, стѣны которой были покрыты мраморомъ, а верхъ—порфиромъ». (Jos de Guignes. Histoire générale de Huns etc. Paris, 1756, т. II, p. 643.). *Туданъ-Мангу-Ханъ*—лицо историческое. Это онъ отправлялъ въ Египетъ нарочитое посольство съ просьбою пожаловать ему какой-нибудь мусульманскій титулъ. Отъ его времени дошла старокрымская монета (1284 г.). Ханы не всегда жили въ Солгатѣ, и въ ихъ отсутствіе городомъ правили намѣстники. Однимъ изъ такихъ намѣстниковъ являлся *Черкезъ-бей*, жившій, впрочемъ, въ болѣе позднюю эпоху, судя по договору 1380-го года между генуэзцами и татарами. Старокрымскіе *беи* или *беки* пользовались огромными правами, такъ они имѣли право чеканить свою монету, сноситься съ другими странами и т. д. *Оръ* (по татарски—*ровъ*)—теперешній Перекопъ. Старая крѣпость была построена на перешейкѣ, который былъ перерѣзанъ рвомъ.

Арпатъ—деревня между Судакомъ и Алуштой. *Чубуреки*—пирожки съ рубленой бараниной, поджаренные на курдючномъ салѣ. Это любимое блюдо татаръ. *Буза*—

напитокъ, приготовляемый изъ проса. *Чалгиджи*—музыкантъ. *Думбало*—большой барабанъ. *Бетмасъ*—медъ, приготавливаемый изъ виноградныхъ выжимокъ. *Ханскій* дворецъ былъ построенъ на берегу р. Серенъ-су, протекающей въ южной части города. Зданіе существовало еще въ концѣ XVIII вѣка, когда въ немъ жилъ епископъ Гумилевскій († 1792 г.). Теперь отъ дворца остались развалины внѣшней стѣны, внутренняя же площадь продана городомъ частному лицу.

Легенду эту, какъ и послѣдующую, я слышалъ отъ бывшаго завѣдывающаго Ѳеодосійскимъ музеемъ древностей—Степана Ивановича Веребрюсова. Въ нѣсколько иной редакціи она помѣщена въ Легендахъ Крыма—В. Х. Кондараки.

ГИБЕЛЬ ГИРЕЯ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Династія *Гираевъ* утвердилась въ первой половинѣ XV вѣка, по выдѣленіи Крымскаго юрта въ особое ханство. *Арсланъ-Гирей* (Арсланъ-левъ) правилъ ханствомъ всего около двухъ лѣтъ (ок. 1744 г.). Рукопись мурзы Мурата Аргинскаго говоритъ о немъ: «Зная, что кто лишитъ жизни одного человѣка, все равно какъ бы лишилъ ея всѣхъ, воздерживался насколько могъ уничтожать тварь Божью». Въ Бахчисараѣ, на ханскомъ кладбищѣ, имѣется памятникъ съ слѣдующею надписью: «Онъ (Богъ) всегда живъ и вѣченъ. Мудрый Асафъ, онъ былъ въ дѣлахъ военныхъ лихой наѣздникъ, на полѣ брани геройствомъ превосходилъ весь родъ Чингисовъ. Самъ Марсъ жаждалъ острія меча его, упитаннаго кровью. Возможно ли сравнить мужество его съ храбростью Неримана. Грозный видъ его убивалъ современныхъ ему тигровъ, раньше, чѣмъ онъ величественно, какъ левъ, вступалъ на поле брани. Но, покорствуя священному гласу—вернись, онъ скончался. Пусть міръ облечется въ трауръ и раздеретъ воротъ своего кафтана. Поэтъ Хифзи, прекраснымъ, алмазнымъ полустишьемъ изобразилъ его хронограму: Рай—воздаяніе Арсланъ-Гирей хану». († 1767 г.). *Джинджи*—духовидецъ, волшебникъ. «*Учь толакъ бошъ олсунъ*», т.-е. «да оскудѣютъ всѣ три моихъ печени», въ смыслѣ—«да лишусь возможности женъ и дѣтей». Сказать вслухъ это великое заклятіе у крымскихъ татаръ—достаточный поводъ для развода. Недавно въ Отузахъ былъ такой случай. Дядя одного татарина заѣхалъ къ племяннику и не засталъ дома его жены. Она была у своей матери, съ которой дядя былъ въ ссорѣ. Племянникъ сказалъ, что пошлетъ за женой. Дядя улыбнулся и выразилъ сомнѣніе, чтобы она пріѣхала, такъ какъ мать едва ли отпуститъ, узнавъ, что въ гостяхъ дядя. Такъ и случилось. Молодая женщина не вернулась домой даже тогда, когда того потребовалъ отъ нея лично мужъ. И вотъ, вскипѣвъ, молодой человѣкъ произнесъ громко приведенное заклятіе. Молодая женщина сочла себя обезчещенной и потребовала немедленнаго развода. Когда затѣмъ, черезъ нѣсколько

времени, молодые люди, любившіе другъ друга, одумались, они рѣшили опять пожениться. Но для этого потребовалось совершить весьма сложную процедуру, а именно, женщина должна была выйти на одну ночь замужъ за договореннаго для того какого-то бѣдняка и затѣмъ, получивъ разводъ путемъ произнесенія того же заклятія, вышла замужъ за перваго мужа.

Легенда о гибели Гирея связана съ тѣми свѣдѣніями о катакомбныхъ богатствахъ Керчи, которыя несомнѣнно давно были извѣстны населенію Крыма.

МЮСКЪ-ДЖАМИ—МУСКУСНАЯ МЕЧЕТЬ.

(СТАРО-КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Развалины мускусной мечети сохранились. Онѣ образуютъ параллелограмъ, сводъ надъ которымъ поддерживался столбами по три съ каждой стороны. Вокругъ мечети, еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, были видны красивые, мѣстами съ позолотой, арабески. Надвходная надпись говоритъ: «Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истины и милость Божія на Мухаметѣ и его преемникахъ. Строитель сей мечети, въ дни царствованія великаго хана Мухамета-Узбека, (да будетъ владычество его вѣчно) смиренный рабъ, нуждающійся въ милости Божьей, *Абдулъ-Гази-Юзуфъ*, сынъ Ибрагима Узбекова, 714 гиджри» (1314 г.). Золотоордынскій ханъ Узбекъ (1313—1342 гг.), по свидѣтельству арабскихъ писателей, проявилъ особую ревность въ утвержденіи мусульманства въ его владѣніяхъ. Самъ Узбекъ ханъ не жилъ въ Солгатѣ (Старый-Крымъ) и лишь наѣзжалъ туда. Съ именемъ *Юсуфа*, помимо настоящей легенды, въ народной памяти сохранилось преданіе объ основаніи самого Солгата. Крымскій историкъ Сеидъ-Мухамедъ-Риза († 1756 г. въ своемъ сочиненіи «Семь планетъ въ извѣстіяхъ о царяхъ татарскихъ» *) разсказываетъ: «Въ прежнее время мѣстность, на которой расположенъ городъ, принадлежала къ Кафской пристани (Ѳеодосійской), служа сборнымъ пунктомъ для купцовъ персидскихъ и франкскихъ, привозившихъ сюда разные европейскіе и азіатскіе товары, которыми наполнялись и пестрѣли шалаши, палатки, деревянные дома и саманныя мазанки. Благодаря превосходному климату и чудному воздуху, населеніе и постройки быстро умножились и мало-по-малу возникъ къ югу отъ Кафы, при подошвѣ высокой горы Аргамышъ, цѣлый городъ, обнесенный ради безопасности крѣпостной стѣной и названный Солгатомъ. Въ ту пору одинъ богатый купецъ предпринялъ постройку большой мечети и, изъ усердія къ Богу, къ матеріальнымъ затратамъ присоединилъ и личный трудъ. Одѣтый въ старое платье онъ вмѣстѣ съ рабочими таскалъ глину. Вдругъ проѣзжаетъ мимо купецъ съ двадцатью вьюками мускуса. Строитель мечети полюбопытствовалъ узнать, что за товаръ везутъ. Торговецъ по-

---

*) Напечатано Каземъ-бекомъ въ Казани въ 1832 г. (ср. 77, 78).

глядѣлъ на грязную рабочую одежду его, презрительно отвѣтилъ: «подходящаго для тебя товара нѣтъ». Смущенный такимъ отвѣтомъ торговца, строитель заплатилъ тотчасъ же стоимость мускуса и велѣлъ свалить его въ размѣшанную глину, сказавъ рабочимъ: «*салъ* (сваливай), *катъ* (мѣси)». Оттого и самый городъ назвали Салкатомъ». Объ этомъ древнемъ Солгатѣ Jos. de Guignes, въ своей Histoire générale de Huns etc. (p. 343) говоритъ: «Всадникъ едва могъ объѣхать его на добромъ конѣ въ полдня. Было много зданій, достойныхъ удивленія, особенно высшихъ училищъ, гдѣ преподавались всякія науки *). Караваны изъ Ховарезми (Хивы) безопасно проходили въ Крымъ, употребляя на путь три мѣсяца. Жители наживали торговлей огромныя богатства, но по скупости, заполняя золотомъ сундуки, ничего не удѣляли бѣднякамъ».

Мускусъ—ароматичный, коричневаго цвѣта порошокъ, добываемый изъ мускусной крысы (Азія) и Гималайскаго оленя, самца, подъ брюхомъ котораго имѣется мѣшечекъ съ этимъ веществомъ. Мускусъ, оцѣниваемый теперь отъ 960 рублей до 1280 рублей за киллограмъ, считался въ древности драгоцѣннѣйшимъ препаратомъ, благодаря его цѣлебнымъ свойствамъ, въ особенности для облегченія страданія рожениць. Можетъ быть, въ связи съ этимъ мускусъ пріобрѣлъ литургическое значеніе. Папы, до начала XVI вѣка, вступая во владѣніе Латеранскимъ дворцомъ, получали въ даръ кошелекъ съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями и мускусомъ, который считался символомъ добродѣтели и милосердія къ бѣднымъ. Въ свою очередь папы, выражая особенное благоволеніе царственнымъ особамъ, дарили золотую розу съ мускусомъ. Какъ говоритъ Н. В. Чарыковъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Павлѣ Минезіи, въ 1675 г. былъ данъ указъ сибирскому приказу о посылкѣ въ Римъ къ аббату Скарлату 3 ф. мускусу добраго, въ вознагражденіе за собраніе свѣдѣній по описанію святынь Рима (260, 681 ст.). Судя по нашей легендѣ о Мускусной мечети въ Солгатѣ, литургическое значеніе мускуса было не чуждо міру мусульманскому. По словамъ татаръ стѣны Мускусной мечети и теперь послѣ дождя издаютъ ароматъ. *Аргамышъ*—горный хребетъ верстъ въ 8 въ длину; на одной изъ вершинъ его имѣется провалъ, схожій съ жерломъ вулкана, не болѣе сажени въ поперечникѣ. Мѣстный приставъ Н. М. Яворскій опускалъ веревку въ 50 саж. длины, но не досталъ дна, а, по словамъ старокрымцевъ, если бросить просо, то оно выйдетъ въ прудахъ Шубаша, за нѣсколько верстъ отъ города. По преданію въ этотъ провалъ сбрасывали преступниковъ. *Индель*—путь въ Индію. *Верблюдъ* завезенъ въ Крымъ татарами изъ средней Азіи. Это нѣжное животное, послѣ эмиграціи степныхъ татаръ, стало быстро исчезать въ Крыму. *Алла-разы-олсунъ*—благодарю.

Настоящую легенду разсказывалъ мнѣ старокрымскій мулла.

---

*) Развалины одного изъ нихъ сохранились и доселѣ.

СУЛТАНЪ-САЛЭ.

(ДЖАНКОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

По шоссе, на пути изъ Өеодосіи въ Отузы, въ мѣстности, называемой Султановкой, недалеко отъ греческаго поселка Джанкой (Душа-деревня) хорошо сохранились развалины мечети Султанъ-Салэ. Съ этими развалинами связана легенда, которую я слышалъ отъ отузскаго поселянина Абдулъ-Кадыра Зекерья—оглы. *Кефеде*-Кафа (Өеодосія). *Сабаныхъ хайръ олсунъ*—доброе утро. *Отара*—стадо (*отъ*—трава, *ара*—искать). *Ага*—должностное, чиновное лицо, или вообще важное лицо. *Каурма*—разваренная въ собственномъ соку баранина съ картофелемъ, нѣчто въ родѣ густого супа. Титулъ *Султана*, со времени родоначальника Гераевъ—Хаджи—Герая, получилъ второстепенное значеніе, и султанами назывались ханскіе княжичи.

КЕМАЛЪ-БАБАЙ—ДѢДУШКА-КЕМАЛЪ.

(КАРАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Кохтебель, быстро растущій курортъ, на пути изъ Өеодосіи въ Отузы, лѣтъ сорокъ назадъ представлялъ изъ себя болгаро-татарскую деревушку, а до переселенія сюда болгаръ, находился въ рукахъ татаръ. Послѣднихъ въ настоящее время осталось всего нѣсколько семействъ и они уже не въ силахъ поддержать разрушающуюся мечеть. Кохтебель лежитъ у подножія Карадага, на одной изъ вершинъ котораго указываютъ святую могилу. Объ этой могилѣ упоминаетъ академикъ Палласъ въ путешествіи по Крыму 1793—94 годахъ. Онъ говоритъ и о поклоненіи этой могилѣ со стороны татаръ. И въ наши дни привозятъ сюда больныхъ, даже изъ дальнихъ деревень въ надеждѣ на исцѣленіе у могилы праведнаго человѣка *азиса*.

Признаніе азисомъ совершается обыкновенно послѣ того, какъ нѣсколько почтенныхъ лицъ удостовѣрятъ, что видѣли на могилѣ зеленоватый свѣтъ, и что чудеса исцѣленія имѣли мѣсто въ дѣйствительности. *Мурза*—сокращенное и нѣсколько видоизмѣненное арабско-персидское *эмиръ-задэ, эмировичъ*. Популярный титулъ мирзадэ пережилъ всѣ другія почетныя приставки къ именамъ татаръ, знатнаго происхожденія и дошелъ до нашего времени, какъ *мурза* или *мурзакъ*. По переходѣ въ русское подданство мурзаки были признаны потомственными дворянами. Еще въ 70-хъ годахъ въ Кохтебелѣ жили мѣстные помѣщики—мурзаки. *Имамъ*—священникъ.

Легенда о Кемалъ-бабаѣ хорошо извѣстна всѣмъ окрестнымъ татарамъ.

ТИХІЙ ЗВОНЪ.

(ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ ВЪ КАРАДАГѢ.)

Карадагъ—суровая горная вершина, которою замыкаются на востокъ крымскія горы. Это—древній вулканическій очагъ, не разъ испытавшій на себѣ смѣну вулканическихъ и нептуническихъ силъ. Образованіе складки крымскихъ горъ и послѣдующіе смывы и разрушенія придали Карадагу какой-то хаотическій видъ и забредшій въ эти мѣста путникъ невольно останавливается, пораженный суровою красотою массива, его сбросами и сдвигами, выброшенными въ море скалами, перспективой морской синевы и зелеными склонами внутренней долины. По преданію, и судя по развалинамъ, по склонамъ Карадага ютилось нѣсколько церквей и монастырей. По поводу одного изъ нихъ, основаннаго св. Стефаномъ, епископомъ Сугдейскимъ (Судакъ), среди рыбаковъ-грековъ держится сказаніе о тихомъ звонѣ въ пасхальную ночь. Это сказаніе я слышалъ въ дѣтствѣ отъ моего дяди Илларіона Павловича Жизневскаго, по происхожденію грека, изъ мѣстныхъ насельниковъ. Какъ извѣстно изъ житія св. Стефана, онъ управлялъ Сугдея-Ѳульской епархіей въ періодъ иконоборства (подъ Ѳулами нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ теперешнюю д. Отузы). Св. Стефанъ, горячій защитникъ иконопочитанія, много претерпѣлъ въ Константинополѣ, куда былъ вызванъ византійскимъ правительствомъ. Легенда пріурочена ко времени отправленія епископа на его религіозный подвигъ. Въ приложеніи къ настоящему выпуску легендъ Крыма приведена Сурожская легенда о походѣ на Сурожъ (Судакъ) русскаго князя Бравлина, относящаяся къ прославленію св. Стефана, имя котораго и доселѣ чтимо среди мѣстнаго христіанскаго населенія. *Христосъ анэсти*—Христосъ воскресе.

ЧЕРШАМБЕ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Легенду разсказывали мнѣ проживающіе въ Отузахъ поселянинъ Аблекимъ Амитъ-оглы и помѣщица Жанна Ивановна Арцеулова. Герой легенды Сеитъ-Яя жилъ въ Отузахъ лѣтъ сорокъ назадъ и я хорошо помню его доброе, грустное лицо. *Чершамбе* — среда. Недѣльный праздникъ у татаръ — *пятница*. *Гибель лошади* или другого животнаго въ то время, какъ въ домѣ кто-либо боленъ, считается въ нашей мѣстности благопріятнымъ для заболѣвшаго знаменіемъ. Говорятъ, что Аллахъ въ этомъ случаѣ щадитъ человѣческую жизнь, довольствуясь душою животнаго. Суевѣріе *дотрагиванія до угла* существуетъ еще во многихъ мѣстахъ. Проводя свое дѣтство въ Отузахъ, я слышалъ отъ товарища дѣтства, деревенскаго мальчика, грека, что, уходя изъ дому, нужно непремѣнно незамѣтно для другихъ дотронуться до угла, чтобы во время отсутствія изъ дому все было благополучно. При этомъ я могъ передать эту тайну лишь одному человѣку, иначе

дотрагиваніе до угла теряло свою волшебную силу. *Соба*—печь. *Ястыкъ*—головная подушка. *Балахуръ-сипетъ*—корзинка-улей. *Юланчикъ* по татарски—гнѣздо змѣй. Такъ называется мѣстность на пути изъ Отузъ въ Старый Крымъ. Отсюда вытекаетъ р. Юланчикъ, идущая въ Кохтебельскому заливу.

КУРБАНЪ-КАЯ—ЖЕРТВЕННАЯ СКАЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Курбанъ-кая, напоминающая издали сахарную голову, замыкаетъ одинъ изъ гребней въ верхней части Отузской долины. Если подойти къ скалѣ по дорогѣ въ лѣсъ, то можно различить тѣневыя очертанія человѣческой фигуры, ползущей по скалѣ. *Курбанъ-байрамъ*—праздникъ жертвъ празднуется въ 62-ой день послѣ Рамазанъ-байрама, какъ то было установлено Магометомъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память жертвоприношенія Авраама и взамѣнъ человѣческихъ жертвъ. Праздникъ продолжается четыре дня, причемъ въ первый день каждый зажиточный татаринъ закалываетъ курбаннаго барана. Принося такимъ образомъ жертву, жертвователь произноситъ *дува* (молитву); если же онъ не знаетъ словъ молитвы, то произноситъ кто-либо другой, держа жертвователя за ухо. Шкура курбана и лучшая часть его жертвуется муллѣ, часть раздается бѣднымъ, остальное съѣдается въ кругу близкихъ лицъ. *Арыкъ*—оса. Легенду разсказывали мнѣ отузскіе татары въ разныхъ варіантахъ. Я привелъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ.

АНТАРАМЪ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Чалки—незаселенная сейчасъ долина, смежная съ отузской, по климатическимъ условіямъ и красотѣ мѣстности обѣщаетъ въ будущемъ стать однимъ изъ лучшихъ крымскихъ курортовъ. По преданію, въ Чалкахъ существовало нѣкогда значительное армянское поселеніе; а развалины часовни у источника *Бахръ-башъ-чокракъ* (источникъ Мѣдной головы), сохранились и доселѣ. Найденную у источника плиту съ надписью на староармянскомъ языкѣ прочелъ мѣстный палеографъ Степанъ Никитычъ Лазовъ, отъ котораго я и слышалъ легенду объ Антарамъ. Детали легенды сообщила проживавшая въ Отузахъ Александра Лазаревна Батаева. Часть армянъ, по завоеваніи Арменіи татарами въ 1262 г., была переселена въ раіоны Астрахани и Казани, но затѣмъ переселенцамъ разрѣшили перейти въ Крымъ. (Зап. Одесс. Общ. ист. и древ. Т. IV, стр. 92). Слѣды ихъ поселеній сохранились на протяженіи отъ Стараго Крыма до Козъ. Въ Карадагѣ, полуистертая надпись на развалинѣ церкви св. Стефана, свидѣтельствуетъ, что эта церковь была построена армянами въ 1400-мъ году (ibid. Т. X, ст. 446). Въ Старомъ Крыму (Эски-Крымъ) сохранились разва-

лины шести армянскихъ церквей, а монастырь *Сурпъ-Хачъ* (Святого Креста) функціонируетъ и въ наши дни. Правда, обстановка его крайне убога, въ монастырѣ живетъ одинъ больной, неслужащій архимандритъ и сторожъ, психически больной, но еще въ моемъ дѣтствѣ въ храмовый праздникъ сюда стекалась масса народа со всѣхъ окрестностей монастыря, совершалось торжественное богослуженіе, происходила борьба, закалались въ жертву бараны; послѣднее исполняется благочестивыми армянами и теперь. Воспоминанія объ *арнаутахъ* живутъ среди татаръ, какъ о народѣ жестокомъ и безпощадномъ.—У нихъ была желѣзная душа, говорятъ татары. *Арнауты*-албанцы—потомки древнихъ пеласговъ, нѣкогда составляли цвѣтъ турецкаго войска.

ДЕЛИКЛИ-КАЯ.

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Деликли-кая—щелистая скала, средняя изъ трехъ скалъ, составляющихъ группу *Эльтигена* (по-татарски значитъ—Стекающійся). Она находится въ верхней части Козской долины, на пути изъ Отузъ въ Судакъ. Предполагаютъ, что въ древности долина была заселена греками. Это подтверждаютъ остатки греческихъ церквей. Одна изъ нихъ, св. Ильи, нынѣ возстановлена. *Козы*—теплая, богатая садами долина, даетъ прекрасное, крѣпкое вино и вкусные сладкіе фрукты. Легенду о Деликли-кая разсказывалъ мнѣ мой дѣдъ, козскій грекъ Егоръ Ставровичъ Цирули. *Кызъ-буляги*—источникъ дѣвушекъ, называютъ также Дѣвичьей баней—*Кызларъ хамамъ*. *Буйволъ*—древнѣйшій насельникъ Крыма, отличающійся большой, по сравненію съ быкомъ, силой, за послѣдніе годы совсѣмъ исчезаетъ изъ нашихъ мѣстъ. Такъ въ Отузахъ осталась всего одна пара, въ Козахъ—двѣ-три.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Легенды были напечатаны въ газетѣ «Утро Россіи» за 1913-й годъ.

Факсимильное издание
Симферополь, «Таврида», 1990

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА
(Комплект из 3-х выпусков факсимильных брошюр)

Подписано в печать 3.12.90 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88. Усл. кр.-отт. 29,76. Уч.-изд. л. 30,47. Тираж 50 000 экз. Зак. 53. Цена 6 руб.

Издательство «Таврида», 333700, Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.